

Григорий Двоеслов
Диалоги. Собеседования о жизни
Италийских отцов и о бессмертии души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3941195

*Святитель Григорий Двоеслов. Собеседования о жизни Италийских отцов: Сибирская
Благовонница; Москва; 2012
ISBN 978-5-91362-541-0*

Аннотация

Творение свт. Григория Великого, Двоеслова, папы Римского, «Собеседования о жизни Италийских отцов», или «Диалоги», представляет собой ценнейший памятник западнохристианской древнецерковной письменности эпохи неразделенной Церкви. Его можно назвать «Древним латинским патериком», ибо это произведение посвящено описанию житий подвижников IV–VI веков, живших в Италии и стоявших у истоков западного монашества. Представляемое ныне православному читателю издание этого сочинения снабжено вступительной статьей профессора МДА, доктора церковной истории А. И. Сидорова. Эта книга содержит в себе духовную мудрость и подвижнический опыт древних западных святых, а также высочайшие и немеркнущие образцы для подражания в деле христианского спасения и духовного совершенства.

Содержание

Святитель Григорий Двоеслов и его произведение «Собеседования о жизни Италийских отцов»	5
КНИГА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	17
ГЛАВА ПЯТАЯ	22
ГЛАВА ШЕСТАЯ	24
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	25
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	27
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	29
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	33
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	37
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	38
КНИГА ВТОРАЯ	40
ГЛАВА ПЕРВАЯ	41
ГЛАВА ВТОРАЯ	43
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Святитель Григорий Двоеслов

Собеседования о жизни

Италийских отцов

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-022-2358*

Святитель Григорий Двоеслов и его произведение «Собеседования о жизни Италийских отцов»

Святитель Григорий Великий, Двоеслов, папа Римский (540–604) жил в сложное для Западного христианства время – эпоху засилья варваров и разорения Италии. Родившись в благочестивой патрицианской христианской семье в Риме, имея среди своих предков и родственников св. Римского папу Феликса III (483–492) и св. Римского папу Агапита (535–536), получив прекрасное классическое образование, около 573 года он становится префектом Рима. Однако светская жизнь тяготила святого, и он принимает монашество и посвящает всего себя на служение Богу и Церкви. В своих поместьях он устраивает монастыри, а сам, вскоре став диаконом в Римской церкви, отправляется по высоким папским поручениям в Константинополь – столицу Византийской империи. В 590 году после смерти папы Пелагия II, Григория самого против его воли избирают Римским папой. Проходя свое служение, свт. Григорию приходилось выполнять роль и государственного деятеля, и политика; он был талантливым церковным администратором, миссионером и отличался исключительной любовью к своей пастве. Был свт. Григорий и автором ряда богословских и экзегетических сочинений.

Среди всех творений свт. Григория Двоеслова, папы Римского, наибольшую известность и славу стяжали «Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души» (или «Диалоги» – от этого названия он и получил свое прозвище Двоеслова, ибо так на славянский язык дословно переводили слово «диалог»). Они напитывали душу христиан многих поколений и различных стран: в далекой тогда Англии Беда Достопочтенный ссылается на «Диалоги» с таким же почтением, как и восточный подвижник блж. Иоанн Мосх. Полностью переведенные на греческий язык в VIII веке папой Захарией, они быстро стали известны всему православному миру¹. Имеется большое количество рукописей славянского перевода «Собеседований»; самый древний из сохранившихся списков относится, вероятно, к XIV веку, хотя первые опыты переводов, возможно, были сделаны еще ранее, в Болгарии в X–XI веках². Иногда это сочинение характеризуют как «популярную книгу», уподобляя ее творению блж. Августина «О граде Божиим», «переписанному для простецов»³, однако нельзя не учитывать того факта, что книга сия находила (и находит) доступ не только к сердцам «простецов», но и к сердцам христиан, отличавшихся самым изысканным вкусом.

Написанное в 593–594 годах, данное сочинение по своему жанру относится к числу агиологических произведений, весьма распространенных в Средние века. Произведение состоит из четырех книг. В первой и третьей книгах св. Григорий помещает повествования о 45 отдельно поименованных святых (при этом главы 27, 28, 32 сообщают о целых группах мучеников). Книга вторая целиком посвящена жизнеописанию и чудесам преп. Венедикта Нурсийского, а книга четвертая, отличающаяся по содержанию от первых трех, – сказаниям эсхатологического характера. Интересно число глав: первые три книги содержат 88 глав, а четвертая – 62 главы, что в итоге составляет 150 глав. Главы первой и третьей книг составляют в сумме число 50 (12+38), а второй и четвертой книг – 100 (38 + 62). Также стоит обратить внимание на одинаковое число глав во второй и третьей книгах: по 38⁴.

---

¹ См.: *Gregoire le Grand. Dialogues. T. 1 / Ed. par A. de Vogue // Sources chrétiennes. № 251. Paris, 1978. P. 141–143.*

² См.: *Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. СПб., 1886. С. 1.*

³ По словам ученого П. Батиффоля. См.: *Gregoire le Grand. Dialogues. T. 1. P. 148–149.*

⁴ См.: *Gregoire le Grand. Dialogues. T. 1. P. 55.*

Среди произведений св. Григория «Собеседования» занимают одно из самых почетнейших мест: «В них впервые, под пером знаменитейшего отца Западной Церкви, разнородные агиологические сказания, всецело занимавшие мысль и чувства набожных людей, передавались в таком простом и увлекательном изложении, освещенном глубокой верою святой души, назидательностью и неподдельным одушевлением истинного подвижничества, что его книга в те века – в века веры и чудес – сразу же стала в буквальном смысле классической, церковной и общенародной»⁵. Жития первых восточных подвижников (преп. Антония Великого, преп. Илариона Великого и др.) и сказания о них, ставшие сразу известными на Западе, дали мощный толчок становлению латинской агиологии; одним из основателей этой агиологии был Сульпиций Север, который в своих «Диалогах» и «Житии св. Мартина» дал первые прекрасные образцы ее. Во многом этим образцам следовал и св. Григорий, собравший и записавший предания о святых мужах, подвизавшихся в его родной Италии; центральное место он уделит великому западному основоположнику монашества – преп. Венедикту Нурсийскому, которому целиком посвящается вторая книга из четырех. Из предисловия видно, что мотивом написания данного произведения является просьба близких св. Григорию людей узнать что-то и об отечественных – италийских святых. Слава святых христианского Востока широко разносилась по всему христианскому Западу, но свои святые подвижники были плохо известны, и в особенности – современники. Это видно из слов духовного чада св. Григория, диакона Петра, в предисловии к «Диалогам»: «Мало я знаю о деяниях мужей, прославившихся святостью жизни в Италии. Поэтому не понимаю, о ком с таким увлечением говоришь ты, сопоставляя свою жизнь с их жизнью. Конечно, я не сомневаюсь, что действительно были в Италии мужи святые, но их добродетели и чудеса или вовсе мне неизвестны, или, по крайней мере, о них так мало доселе говорили, что это молчание может навести сомнение».

Естественно, что в своих повествованиях об италийских подвижниках святитель уделяет много времени нравственно-аскетическому учению. Так, рассказывая о рабе Божиим Исааке, он замечает, что велико «Домостроительство всемогущего Бога, и большей частью случается так, что тех, которым Бог дарует высшие блага, Он лишает низших, чтобы душа их всегда могла чем-либо смиряться, чтобы, стремясь к полному совершенству и не достигая его, трудясь над тем, чего не прияли, и не приобретая этого своим трудом, они нисколько не гордились тем, что имеют, но да научатся, что они, несильные истребить в себе и малых, ничтожных недостатков, не сами от себя имеют высшие совершенства» (III, 15). Элементы тайнозрительного созерцания также органично вплетаются в ткань повествования «Собеседований». Например, передавая одно видение преп. Венедикта, св. Григорий пишет: «Кто увидит малую часть света Создателя, для него становится мало все сотворенное: потому что самый свет внутреннего видения распространяет кругозор ума и так расширяет в Боге, что ум становится выше мира; душа видящего бывает даже выше самой себя. А когда во свете Божиим бывает восхищена выше себя, в то время сила ее расширяется более всего, находящегося внизу ее; и когда, восхищенная, созерцает все под собою, понимает, как ничтожно все, чего она не могла понять в состоянии уничижения» (II, 35). Однако, из всех веро- и нравоучительных тем, затронутых в «Диалогах», на первое место следует поставить вопросы эсхатологии – им святитель уделяет всю четвертую книгу своего сочинения. Эти вопросы вообще являются одними из самых центральных в мирозозерцании св. Григория, но в «Собеседованиях» они принимают самую зримую и наглядную форму выражения. Умственно-материальные черты, которыми он изображает явления загробного мира, здесь заведомо нарочиты, ибо святитель «вовсе не принимал этих черт исключительно в пря-

⁵ См.: Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. С. 142.

мом, буквальном смысле. Относительно их он ясно говорит, что это “только образы вещей (*imagines rerum*)” и что для нашего лишь ограниченного понимания явления загробного мира могут представляться в таком виде, то есть в виде чувственно-материальных (IV, 31, 37). Такое отношение, разумеется, уже и само собою предполагается для такого возвышенного богослова, всюду в букве открывающего духовный смысл, каким был св. Григорий Великий, – но такое же отношение к его рассказам он внушает и другим. В то же время не подлежит сомнению, что с полной искренностью верующего чувства и христианской мысли принимал он “чудесное” в сообщаемых им явлениях и видениях. Да иначе и не могло быть: чудеса – вечно принадлежащая христианству сила, постоянное живое свидетельство даров веры; ими полна жизнь святых и подвижников первых веков христианства, ими окружены гробницы святых и мучеников»⁶. Эта искренность верующего чувства и сила христианской мысли сделали «Собеседования» одним из самых читаемых во всем христианском мире святоотеческих творений.

* * *

За основу данного издания взят текст дореволюционного перевода: Святаго отца нашего Григория Двоеслова епископа Римскаго Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858. Перевод был отредактирован по современному изданию *Gregoire le Grand. Dialogues. T. 1 / Ed. par A. de Vogue // Sources chrétiennes. № 251. Paris, 1978; № 257, 265* (включая нумерацию глав и параграфов), откуда также были заимствованы некоторые комментарии, карты и разбивка текста для удобства на небольшие главы с нумерацией.

А. И. Сидоров

---

⁶ См.: Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. С. 129.

КНИГА ПЕРВАЯ

*Карта Средней Италии
V–VI века*

1. Однажды, слишком отягощенный беспокойством от мирских дел, которые нередко вынуждают нас оставлять собственные наши дела, чего бы никак не должно быть, я удалился в одно уединенное место, отрадное для скорбящей души. Там, на свободе, я удобнее мог

разобрать неприятные впечатления, меня тяготившие, и ближе рассмотреть все, что обыкновенно наводило тоску.

2. Когда, таким образом, я провел немало времени в уединении, в глубокой грусти, пришел ко мне возлюбленный сын мой диакон Петр. С первых цветущих лет юности самая тесная дружба соединяла нас; вместе с ним обыкновенно углублялись мы в слово Божие.

3. Увидев, что я страдаю от тяжкого сердечного изнеможения, он спросил меня: «Не случилось ли с тобой что-нибудь новое, что ты печален более обыкновенного?» – «Нет, возлюбленный Петр, – отвечал я ему, – скорбь, которую каждый день я терплю, всегда для меня стара, потому что обычна, и всегда нова, потому что возрастает. Теперь душа моя скорбит оттого, что неприятности лежащих на мне дел вызывают в ней воспоминания о прежней моей монастырской жизни; о той жизни, когда она умела управляться со всеми случайностями, возвышаться над всем скоропреходящим, потому что мысль ее была постоянно устремлена к небесному; когда даже и узы плоти не могли служить для нее препятствием вести жизнь созерцательную, ибо самая смерть, которая почти для каждого есть страшилище и ужас, была для нее вожделенна как переход к жизни, как воздаяние за подвиги.

4. А теперь, по долгу пастырского служения, я должен заниматься делами мирскими и, оставив прежнюю прекрасную и безмятежную жизнь, осквернять свою душу тиной земных попечений. Ибо как скоро, по снисхождению к другим, внимание души начнет рассеиваться по внешним предметам, тогда, несомненно, и самое сильное влечение к предметам духовным будет в ней слабеть. Поэтому я и соображаю, что я приобретаю и что потерял. И соображая свои потери, вижу, что потерянное важнее того, что имею.

5. Ибо вот я теперь обуреваюсь волнами великого моря, и корабль ума моего потрясается от волнений сильной бури; а когда я припоминаю прежнюю свою жизнь, то, обращая взоры назад, как будто вижу берег и воздыхаю. И что еще тягостнее, в тревогах от безмерного волнения я едва уже могу и видеть оставленную мною пристань, ибо с нашею душою так случается, что сначала, когда душа теряет благо, каким владела, она еще сохраняет об утрате воспоминание, но потом, с продолжением времени, забывает и о самом утраченном благе, и таким образом, наконец, не удерживает даже памятью того, чем прежде владела на самом деле. Поэтому, как я сказал, с продолжением плавания мы уже теряем вовсе из виду оставленное нами безмятежное пристанище.

6. Иногда же, к большему еще усилению моей скорби, приходит мне на память жизнь людей, всецело душою оставивших мир. Одно воззрение на высоту их ангелоподобной жизни показывает мне, как низко сам я остаюсь. Большая часть сих святых мужей благоугодили своему Создателю, проводя жизнь сокровенную от мира, и всемогущий Господь, не желая, чтобы обновляющийся дух их ветшал от человеческих дел, удалял от них всякое мирское попечение».

7. Впрочем, чтобы лучше передать все, что мы говорили между собою, я изложу это в виде разговора, по вопросам и ответам, с обозначением наших имен.

Петр. Мало я знаю о деяниях мужей, прославившихся святостью жизни в Италии. Поэтому не понимаю, о ком с таким увлечением говоришь ты, сопоставляя свою жизнь с их жизнью. Конечно, я не сомневаюсь, что действительно были в Италии мужи святые, но их добродетели и чудеса или вовсе мне неизвестны, или, по крайней мере, о них так мало доселе говорили, что это молчание может навести сомнение.

8. **Григорий.** Если б, возлюбленный Петр, я решился передать тебе только те сведения о жизни сих святых и славных мужей, которые мог я, ничтожный человек, узнать со слов добрых и верных свидетелей или сам собою, то думаю, что и времени для этого не достало бы.

9. Петр. Умоляю тебя, святейший отче, расскажи мне хотя что-нибудь. И, кажется мне, то не может служить важным препятствием к повествованию, что из воспоминания о жизни святых мужей должен составить обширный рассказ. Ибо повествование о жизни святых будет уже показывать, каким образом и нам нужно стяжевать и сохранять добродетель, и повествование об их чудесах покажет, каким образом приобретенная и сохраненная добродетель прославляется. И есть люди, в душах которых можно возжечь пламень любви к отечеству небесному не столько наставлениями, сколько примерами. Ибо внимающий повествованиям о жизни святых отцов получает от сего двоякую пользу: во-первых, примеры их жизни как людей, предваривших нас на пути ко спасению, возбуждают любовь к будущей жизни; во-вторых, если кто дотоле привык видеть в себе какие-нибудь добродетели, то смирится, когда познает, что подвиги святых были выше.

10. Григорий. Я готов немедленно рассказать тебе все, что узнал об этих мужах из беседы с людьми благочестивыми, последуя в этом священному и высокому примеру, яснее солнца для меня сияющему, – примеру Марка и Луки, которые написали свои Евангелия не на основании того, что они видели, но что слышали. Впрочем, чтобы будущие читатели моего рассказа не имели и малейшего повода усомниться в истине моего повествования, при каждом из описываемых событий я буду указывать источник, из которого заимствовал их. Только предваряю тебя, что при описании некоторых событий я буду удерживать одну мысль источника, а при описании других – и мысль, и самые выражения. Ибо если бы я стал все рассказывать собственными словами тех, которые передавали мне, в моем слоге, как у писателя, вышла бы неровность от внесения простого, безыскусственного рассказа некоторых лиц. Впрочем, рассказ, который я намерен предложить теперь, заимствован из уст самых достопочтенных старцев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О Гонорате, игумене Фундисского монастыря

1. Некто патриций Венанций в Самнийской области имел поместье. У одного поселянина, жившего в этом поместье, был сын по имени Гонорат. С отроческих лет любовь к воздержанию возгла в нем любовь и к отечеству небесному. Долго уже он проводил такой образ жизни, что воздерживался от всякого праздного слова, много смирял плоть свою воздержанием, как однажды родители его устроили пиршество для своих соседей. Между прочими яствами для стола было приготовлено и мясо. Но Гонорат, из любви к воздержанию, не хотел даже прикоснуться к этому яству. Родители начали над ним смеяться и говорили ему: «Ешь, неужели ты думаешь, что мы пойдем для тебя ловить рыбу в здешних горах?» В той стороне действительно о рыбе знали только понаслышке.

2. Между тем, пока таким образом смеялись над Гоноратом, вдруг на пиршестве, по разным потребностям, оказался недостаток в воде. Тотчас служитель отправился, по тамошнему обыкновению, с деревянным сосудом за водой, и в то время, когда он черпал воду, в сосуд попала рыба. Возвратившись в дом, служитель на виду у всех, бывших на пиршестве, вылил воду, в которой была рыба, и такой величины, что ее достаточно было бы в пищу Гонорату на целый день. Все удивились, и родители Гонората должны были оставить свои насмешки. Таким образом воздержание отрока, дотоле осмеиваемое, сделалось предметом уважения, и рыба, пойманная в горах, избавила от колких насмешек добродетель человека Божия.

3. Как скоро слава о добродетельной жизни Гонората стала возрастать, он был отпущен своим господином на волю и в местечке, называвшемся Фунды, основал монастырь. Здесь он был руководителем почти двухсот отшельников, здесь жизнь его сделалась для всех образцом самой высокой жизни.

4. Однажды случилось, что от горы, возвышавшейся над монастырем, оторвалась огромная скала, которая, спускаясь по крутизне горы, грозила конечным разрушением монастыря и погибелью всей братии. Как скоро увидел это святой муж Гонорат, тотчас, неоднократно призвав имя Спасителя, изобразил своею десницею по направлению к спускавшейся скале крестное знамение, и она, уже готовая обрушиться, немедленно остановилась на самом обрыве горы. Так рассказывал мне об этом некто благочестивый Лаврентий. И как обрыв горы, на котором скала остановилась, был чрезвычайно крут, то и доселе, говорят, если смотреть на гору, кажется, что скала как будто угрожает падением.

5. *Петр.* Я думаю, святой отче, что не мог же этот чудный человек сделаться руководителем других, если сам прежде от кого-нибудь не принимал наставлений?

6. *Григорий.* Я вовсе не слышал, чтобы он был чьим-либо учеником, но надобно знать, что дары благодати Святого Духа иногда и необыкновенным порядком сообщаются людям. По обыкновенному порядку следовало бы так, что тот не может быть начальником, кто не учился повиноваться, и повиновения внушить подчиненным не может тот, кто сам не умеет повиноваться высшим. Но есть люди, которые получают такое внут реннее просвещение от Святого Духа, что хотя они и не пользуются внешним человеческим руководством, но зато постоянно присущ их духу внутренний наставник – Дух Святой. Только люди нетвердые в добродетели не должны брать себе за образец этой высшей обыкновенных законов жизни святых мужей, потому что в противном случае кто-нибудь легко может возомнить о себе, что и он исполнен Духа Святого, станет пренебрегать человеческим наставлением и впадает таким образом в заблуждение. Впрочем, душа, исполненная Духа Святого, имеет в себе самые очевидные признаки этого преимущества, именно: высокую добродетель, соединен-

ную со смирением, так что если сими качествами в совершенстве обладает душа, то это и служит очевиднейшим доказательством присутствия в ней Духа Святого.

7. Так, например, в Священном Писании не говорится, чтобы св. Иоанн Креститель имел у себя учителя, даже и Христос – самая Истина, во время видимого пребывания на земле наставлявший апостолов, видимым образом не присоединил Иоанна к лику учеников Своих; но кого Он учил внутренним образом, того внешним образом оставлял жить как бы по своей воле. Так и Моисей был руководим в пустыне Ангелом (Исх. 23, 20), а не человеком. Но все это для людей, не утвердившихся еще в добродетели, должно быть, как я сказал, предметом не подражания, а почитания.

8. *Петр.* Довольно. Но прошу, скажи теперь: не оставил ли этот святой отец Гонорат по себе какого-либо последователя из числа своих учеников?

ГЛАВА ВТОРАЯ

О Либертине, экономе того же монастыря

1. Григорий. Во время Тотилы, готского царя⁷, в том же монастыре был экономом муж благочестивый, именем Либертин. Он жил и воспитывался под руководством отца Гонората. Много ходило в народе достоверных рассказов о его великих добродетелях, но мне особенно часто и много говорил о нем прежде упомянутый благочестивый Лаврентий, который и теперь еще жив, и в то время был очень близок к отцу Либертину. Постараюсь теперь передать тебе вкратце, что запомнил из этих разговоров.

2. Однажды благочестивый Либертин по должности эконома отправился по нуждам монастырским куда-то в путь чрез выше упомянутую Самнийскую область. В то же время и по той же дороге проходил с войском Дардан, один из готских предводителей. Вои ны его напали на человека Божию, повергли его на землю и завладели его конем. Благодушно перенесши эту потерю, святой отдал грабителям и самый бич, сказав: «Возьмите и это, чтобы было вам, чем подгонять моего коня». Сказав это, святой начал молиться. Между тем войско Дардана отправилось далее и вскоре достигло реки Вултурны. Чтобы переправиться чрез нее, всадники начали бить копьями и подгонять своих коней; но как ни били, как ни мучили коней, они упорно оставались на одном месте; казалось, им так же страшно было прикоснуться к воде, как бы броситься с самого крутого утеса.

3. Когда, таким образом, долго промучив коней, утомились и сами всадники, один из них сказал: «За то мы терпим такое несчастье, что на пути оскорбили человека Божию». Тотчас некоторые из них возвратились и нашли Либертина на том же месте в молитвенном положении. «Вставай, – сказали они ему, – и возьми своего коня». – «Идите с Богом, – отвечал святой, – мне не нужен конь». Тогда всадники сами сошли с коней, насильно посадили Либертина на его коня и немедленно отправились назад. По прибытии на место кони их с такую стремительностью переплыли реку, по которой не могли дотоле плыть, как будто на том месте вовсе не было воды. Таким образом, по устройению Божию, как скоро святому был возвращен конь, кони стали повиноваться и всадникам.

4. Около того же времени по области Кампанской проходило франкское войско под предводительством Буцеллина. Общий был слух, что монастырь, управляемый Гоноратом, владел большими сокровищами. Свирепые франки, ворвавшись в храм, стали искать там и звать эконома Либертина, а он в это время молился, распростершись на земле. И – чудное дело – сколько ни искали франки Либертина, сколько ни бесились, не могли его увидеть, хотя часто даже ногами своими касались его тела. Таким образом, обманутые своею слепотою, они должны были удалиться из монастыря ни с чем.

5. В другое время Либертин получил от настоятеля (уже преемника учителя Либертина – Гонората) приказание отправиться по нуждам монастырским в Равенну. По любви к святому Гонорату Либертин имел обыкновение, куда бы ни пришлось ему отправляться, брать с собою его обувь. Когда таким образом он ехал, попалась ему навстречу женщина, несшая на руках своих тело умершего сына. Увидев человека Божию, она остановила за узду коня Либертина и с клятвою сказала святому: «Ты не уйдешь отсюда, пока не воскресишь моего сына».

6. Либертин, понимая сколь необыкновенного чуда от него требуют, ужаснулся, слыша просьбу, соединенную с заклятием. Он покушался удалиться от себя женщину, но, будучи не в силах этого сделать, оставался в нерешительности. Надобно представить себе, какая силь-

---

⁷ Тотила – король остготов, правил Италией в 541–552 годах.

ная борьба происходила в это время в его душе. Собственное смирение боролось в нем с состраданием к несчастной матери, страх приступить к совершению необыкновенного чуда – с скорбным чувством отказать осиротевшей женщине в помощи. Наконец, к величайшей славе Божией, сострадание преобледило твердую добродетель смирения, твердую по тому самому, что была побеждена состраданием, ибо нельзя назвать твердою ту добродетель, которая остается непреклонною при виде страданий других. Итак, святой сошел со своего коня, преклонил колена – и, после молитвенного воздеяния рук к небу, вынув обувь св. Гонората, возложил ее на грудь умершему отроку. По молитве святого мужа душа возвратилась к умершему. Обняв ожившего, он передал его плакавшей матери и продолжал свой путь.

7. Петр. Что же, скажи мне, отче: сила ли добродетелей святого Гонората произвела такое чудо или молитва святого Либертина?

Григорий. Для совершения столь необыкновенного чуда соединились вкупе вера жены и сила добродетелей обоих святых; и я думаю, что Либертин потому мог совершить сие чудо, что более полагался на силу добродетелей своего наставника, чем на силу своих собственных. Ибо он веровал, что душа того, чья обувь полагалась на грудь умершему, услышит его молитву. Подобно тому как и Елисей не мог одним повержением милоти своего учителя, которую носил с собою, разделить на обе стороны воды Иордана, когда приблизился к этой реке. Но как скоро он произнес: *где Господь, Бог Илии, – Он Самый?* (4 Цар. 2, 14) – и поверг милоть Илиину в реку, вода расступилась и открыла ему свободный путь. Видишь ли, возлюбленный Петр, какую силу при совершении чудес имеет смирение? Тогда возмог он обнаружить силу, подобную той, какую обладал наставник, когда призвал его имя и сделал он то же, что наставник, потому что подражал его смирению.

8. Петр. Приятно мне слушать тебя, всечестный отче! Скажи, пожалуйста, не знаешь ли и еще чего-нибудь подобного о сем муже для нашего назидания?

Григорий. Да, знаю, но только для того, кто желает подражать. Ибо я считаю добродетель смирения выше всяких знамений и чудес. Вот что случилось: однажды настоятель, заступивший по смерти Гонората его место в управлении монастырем, до такой степени разгневался на добродетельного Либертина, что готов был ударить его. И как он не мог найти для этого палки, то, схватив подножную скамейку, так сильно избил Либертина, что вся его голова и лицо покрылись опухольями и синими пятнами. Претерпев эти страшные побои, Либертин спокойно удалился в свою келию.

9. Вскоре открылась необходимость Либертину отправиться куда-то по нуждам монастыря. Итак, совершив утреннее правило, он идет в келию настоятеля, чтобы смиренно испросить у него молитв и благословения. Настоятель, зная, с каким уважением и любовью все взирали на Либертина после нанесенной ему несправедливой обиды, и думая, что он хочет удалиться совсем из монастыря, обратился к Либертину с вопросом: «Куда же ты собрался идти?» – «Ради не терпящих отлагательства нужд монастырских, отче, – отвечал Либертин, – я еще вчера обещал быть ныне в таком-то месте и хочу теперь отправиться туда».

10. Тогда настоятель, сознавая в глубине души, с одной стороны, как сурово и жестоко он поступил с Либертином, с другой – как обиженный был кроток и смирен, вышел из своей келии, повергся к стопам Либертина и признался, что он тяжко виновен и грешен, дерзнув нанести жестокое оскорбление столь добродетельному мужу. Либертин, с своей стороны, также повергся на землю и, припадая к ногам настоятеля, уверял, что причина нанесенного им оскорбления заключалась не в раздражительности настоятеля, а в его, Либертиновой, вине. После этого происшествия настоятель сделался чрезвычайно кротким в обращении, и, таким образом, смирение ученика вразумило самого учителя.

11. Когда же Либертин отправился за своим делом по нуждам монастырским, некоторые из знатных вельмож, чрезвычайно уважавших его, встретившись, с необыкновенным изумлением и участием начали расспрашивать, что такое случилось с ним, что все лицо у

него опухло и покрыто синими пятнами? «Вчера поздно вечером, – отвечал Либертин, – я, по грехам моим, преткнулся о скамью и так сильно ушибся». Таким образом, этот святой человек в своем ответе и сказал истину, и не разгласил о проступке настоятеля, и избежал греха лжи.

12. Петр. Мне хотелось бы знать, всечестный отче, неужели столь богобоязненный человек, как Либертин, о котором столь много чудесного ты рассказываешь, не оставил в монастыре последователей своим добродетелям?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Об иноке, садовнике того же монастыря

1. Григорий. Феликс, по прозванию Курвус, человек, тебе известный и еще недавно бывший экономом в том же монастыре, много рассказывал мне удивительного о братии своего монастыря. Я не буду тебе передавать из его рассказов всего, что помню, потому что желаю беседовать о другом. Но вот одно происшествие, слышанное от него, о котором умолчать я считаю даже невозможным.

2. В этом же [Фундисском] монастыре был один инок, по занятию садовник, человек высокой жизни. В сад к нему привык ходить вор. Перелезая через ограду, он тайно уносил овощи. Садовник скоро заметил, что сажал он овощей много, но осталось очень мало, иное было потоптано, другое порвано. Обойдя весь сад, он наконец открыл и место, которым обыкновенно вор пробирался в сад. Когда после этого он опять шел через сад, то увидел змею и сказал ей повелительно: «Ползи за мной» – и, подошедши к месту, которым проходил вор, сказал змее так же повелительно: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебя беречь этот проход и не позволять вору проникать в сад». Змея тотчас растянулась поперек дороги, а инок возвратился в свою келию.

3. В полдень, когда все братия отдохали, приходит, по своему обыкновению, вор и начинает перелезать через ограду; но лишь только он перенес ногу в сад, вдруг видит, что дорогу преградила ему змея. Вор, сильно испугавшись, опрокинулся назад, но нога его увязла в кольях плетня, и в этом положении, с закинутою назад головою, он пробыл до прихода садовника.

4. В урочный час приходит садовник, видит, что вор повис на ограде, и говорит змее: «Благодарю Бога, ты исполнила, что приказано было тебе; теперь удались». Змея скрылась. Тогда садовник, обратившись к вору, сказал: «Что, брат? Бог предал тебя в мои руки. Как ты дерзнул столько раз похищать труды рук иноческих?» После этих слов садовник освободил увязшую ногу вора, спокойно снял его с ограды и пригласил идти за собой. С большим удовольствием наделив вора овощами, которые он обыкновенно крал, садовник довел его до ворот сада и сказал: «Ступай, и после этого не воруи, а когда будешь нуждаться, лучше приходи сюда ко мне; я охотно буду тебе давать то, что ты доселе приобретал грехом».

5. Петр. Теперь я вижу, что напрасно доселе думал, будто в Италии не было святых, прославившихся чудесами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Об Эквиции, настоятеле монастыря в области Валерийской

1. Григорий. Теперь расскажу тебе, что я слышал от Фортуната, человека достопочтенного, настоятеля Путеольского монастыря, равно и от других почтенных лиц. В провинции Валерийской жил некто Эквиций, человек необыкновенно святой жизни. Настоятель Фортунат близко знал его, и вообще для всех духовные подвиги Эквиция были предметом благоговения. Эквиций, как человек высоко святой жизни, управлял в той области многими монастырями. В юных летах сильно мучила его тяжкая борьба с вожделениями плоти; но самая тяжесть искушения заставила его быть тем более прилежным к молитве.

2. Таким образом, в непрестанной молитве испрашивая у всемогущего Бога врачевства против искушения, Эквиций наконец почувствовал, что всякое вожделение плоти в нем исчезло, и сделался так далек от искушения, как будто не имел и тела. Утвердившись же помощью благодати Божией в добродетели, Эквиций, как дотоле управлял только мужскими монастырями, так отселе начал управлять и женскими. Впрочем, он постоянно внушал своим ученикам, чтобы они легкомысленно не увлекались его примером и, если не надеются на свои силы, не покушались стремиться к приобретению дара, которого не имели.

3. В то время как в Риме схвачены были волшебники, некто Василий, бывший первым искусником в волшебстве, переделся в монашеское платье и убежал в Валерийскую область. Явившись к достопочтенному епископу Амитернскому Кастиорию, Василий просил поместить его в монастырь, управляемый Эквицием, представляя, что он может быть полезным монастырю своим врачевным искусством. Епископ тотчас отправился в монастырь вместе с лжемонахом Василием и просил угодника Божия Эквиция принять просителя в число братства. Взглянув на Василия, святой сказал епископу: «Вот, ты приказываешь мне принять не монаха, а диавола». – «Ты только ищешь предлога не исполнить моей воли», – возразил епископ настоятелю. «Я говорю то, что вижу в нем, – отвечал угодник Божий, – но чтобы ты не думал, будто я уклоняюсь от повиновения, я сделаю по твоей воле». Василий был принят в монастырь.

4. Чрез несколько дней угодник Божий удалился на довольно продолжительное время из монастыря для назидания словом истины жаждущих духовного утешения. По уходе св. Эквиция случилось, что в женском монастыре, который находился также под его попечением, одна монахиня, сохранившая на бренном теле своем следы красоты, заболела и в страшных мучениях с криком и воплями повторяла: «Я непременно умру, если не придет монах Василий и не возвратит мне здоровья помощью своего искусства». Но в отсутствие настоятеля никто из иноков не смел и войти в женский монастырь, тем более Василий, недавно поступивший в число братства и никому еще не известный по своему поведению.

5. Тотчас распорядились послать к угоднику Божию Эквицию с известием, что такая-то монахиня ужасно страдает в болезни и неотступно требует, чтобы инок Василий посетил ее. Услышав это, святой муж с горькой улыбкой сказал: «Не говорил ли я, что это не человек, а демон? Ступайте и выгоните его из монастыря. А о рабе Божией, страждущей тяжкою болезнью, не беспокойтесь более; болезнь ее минует, и она не будет требовать к себе Василия».

6. [Посланный] монах возвратился и узнал, что действительно больная получила исцеление в то именно время, когда говорил им об этом угодник Божий Эквиций, находясь вдали от монастыря. Так праведник сотворил чудо, последуя примеру своего Учителя и Господа Иисуса Христа, Который, быв позван в дом царедворца для исцеления его сына (Ин. 4, 46), одним словом даровал ему исцеление, так что по возвращении в дом отец узнал, что сын его

выздоровел именно в то время, когда он услышал об его исцелении из уст Самой Истины. Все иноки, исполняя повеление своего настоятеля, изгнали лжемонаха Василия из своего монастыря. Когда же его изгнали, он сознался, что часто посредством своего волшебного искусства поднимал на воздух келию святого Эквиция, но никакого вреда не мог ей сделать. Спустя немного времени этот волшебник, по ревности здешнего народа, был сожжен в Риме на костре.

7. Случилось также, что одна раба Божия, из той же женской обители, пошла однажды в монастырский сад. Увидев там овощи, она с жадностью начала их есть, забыв предварительно оградить себя крестным знаменем; вдруг схватила ее нечистая сила и повергла на землю. Когда увидели ее в страшных мучениях, тотчас попросили отца Эквиция, чтоб он поспешил исцелить болящую своей молитвой. Едва только вступил в сад св. Эквиций, нечистый дух, вошедший в инокиню, начал ее устами кричать, как бы прося пощады: «Что я сделал, что я сделал? Я был в овощах, как она пришла и с ними приняла в себя и меня». Но человек Божий с великим гневом повелел нечистому духу выйти из инокини и никогда не возвращаться к рабе всемогущего Бога. Дух тотчас вышел и после не смел даже прикоснуться к ней.

8. Некто Феликс, вельможа Нурсийской области, отец Кастория, который живет ныне в Риме, узнав, что благочестивый Эквиций не имел еще священного сана, а между тем ходил всюду для ревностного назидания других словом, однажды дружески обратился к нему с вопросом: «Как ты, отче, дерзаешь на проповедь, когда не имеешь ни священного сана, ни от Римского епископа, в ведении которого состоишь, разрешения проповедовать?» Услышав такой вопрос, святой муж следующим образом объяснил свое дерзновение на проповедь: «О чем ты меня сейчас спрашивал, об этом и я размышлял сам с собою. Но однажды предстал мне в видении ночном прекрасный юноша и прикоснулся к моему языку орудием, которое употребляют врачи при кровопускании, сказав при этом: “Вот, я полагаю слово мое во уста твои, иди и проповедуй”. С того времени я, хотя бы и желал, не могу молчать, нудимый силою Божиею».

9. Петр. Мне хотелось бы, отче, узнать, какие подвиги проходил этот святой муж, получивший от Бога, по общему уверению, такие дары благодати.

Григорий. Подвиг, возлюбленный Петр, зависит от дара благодати, а не благодать от подвига, иначе и благодать не будет благодатью. Ибо всякому подвигу предшествует дар благодати, хотя после и дары благодати возрастают по той мере, как увеличиваются подвиги. Но если хочешь собрать истинные сведения о жизни этого угодника, обратись к достопочтенному епископу Реатинской церкви Альбину – он хорошо знал св. Эквиция; да есть много и других лиц, знавших его. И зачем тебе искать в нем еще большего подвига, когда знаешь, что в этом угоднике непорочная жизнь соединялась с ревностью о назидании других?

10. Такою ревностью горел он о приобретении Господу душ, что, управляя несколькими монастырями, он в то же время ходил повсюду, по церквам, городам, деревням, даже по частным домам христиан, и в сердцах своих слушателей возжигал любовь к отечеству небесному. Одежда на нем была весьма бедная и вид его был так скромн, что если бы случилось ему встретиться и поклониться незнакомому человеку, тот почел бы для себя низким ответить на его поклон. В некоторые места он отправлялся обыкновенно на коне, выбирая при этом самого плохого, какого только можно было найти в монастыре, коня, и вместо узды всегда употреблял недоуздок, вместо седла – овечью кожу. Куда бы он ни отправлялся, всюду брал с собой книги Священного Писания, полагал их в кожаные мешочки, висевшие у него с правой и левой стороны, чтобы, отверзая источники слова Божия, орошать пажити духовные.

11. Молва об его проповедании достигла Рима, и тотчас из клира Римского епископа некоторые льстецы (которые обыкновенно сперва уловляют своим языком, а потом и губят

душу слушающего) приступили к своему пастырю с жалобами. «Вот, – говорили они, – святейший отче, какой-то человек, лишенный всякого образования, незаконно присвоил себе право проповеди, неученый предвосхитил обязанность, принадлежащую собственно твоему святейшеству. Не угодно ли будет тебе послать за ним, привести сюда и внушить ему понятие о порядке церковном?» Обыкновенно бывает, что кто очень ревностен к выполнению своих обязанностей, тот бывает доступнее лести, если не успеет ее отразить в самом начале от дверей своего сердца. Епископ Римский согласился на убеждения своих клириков привести в Рим св. Эквиция для внушения ему надлежащих понятий о его обязанностях. Впрочем, не желая, чтобы подобное распоряжение сколько-нибудь оскорбило угодника Божия, папа приказал своему послу дефенсору⁸.

12. Юлиану (который впоследствии был епископом Сабинской церкви) привести св. Эквиция в Рим с возможными почестями. Побуждаемый настояниями клириков исполнить как можно скорее это приказание, Юлиан поспешно отправился в монастырь св. Эквиция, где нашел некоторых иноков, занимавшихся списыванием книг, и спросил их: «Где ваш настоятель?» (А св. Эквиция не было дома.) «Вот, недалеко, на монастырских лугах он косит сено», – отвечали иноки.

13. С Юлианом был прислужник, очень гордый и дерзкий, которого сам он едва мог обуздывать. Юлиан послал его поскорее привести к себе настоятеля. Прислужник отправился, проворно дошел до лугов и, обратившись ко всем косившим сено, грубо спросил: «Где Эквиций?» Ему указали; увидев настоятеля еще издали, прислужник впал в необыкновенный страх: дрожая и трепеща, он едва мог идти. В трепете приблизился он к человеку Божию, повергся пред ним и, смиренно обнимая колена его, возвестил о приходе господина своего. После приветствия угодник Божий сказал ему: «Вот, возьми свежего сена и отнеси на корм коням, на которых вы приехали; я же немного погодя, исполнив свое дело, приду вслед за тобой».

14. Между тем посланник папы, дефенсор Юлиан, много дивился: отчего слуга его так долго не идет? Как же скоро увидел, что он возвращается с лугов со связкою сена за плечами, в сильном гневе начал кричать на него: «Что это значит? Я тебя посылаю привести ко мне настоятеля, а не сено носить». – «Он сейчас придет», – отвечал прислужник. Между тем и человек Божий, одевшись и возложив на свои рамена связку сена, пошел в монастырь. Когда он был еще вдаль, слуга указал своему господину, что это тот самый человек, за которым они посланы. Юлиан, как скоро увидел угодника Божия, то по его уничиженному виду приготовился и заговорить с ним, то есть строго и повелительно. Но едва угодник Божий приблизился, как сердцем Юлиана овладела необыкновенная робость, так что он дрожал всем телом и едва был в состоянии передать святому о причине своего приезда. Со смирением припав к стопам угодника Божия, Юлиан просил его молитв о себе и возвестил, что святейший папа желает его видеть.

15. Святой Эквиций от полноты сердца возблагодарил всемогущего Бога, что чрез верховного иерарха Господь посетил его свыше благодатью. Тотчас приказал он некоторым из братии приготовить коней для пути и настоятельно требовал, чтобы посланник папский готовился немедленно ехать. «Это совершенно невозможно, святой отче, – отвечал Юлиан. – Утомившись от продолжительного путешествия, я нынешний день не в состоянии опять ехать». – «Жалею об этом, сын мой, – отвечал св. Эквиций. – Если мы ныне не отправимся, то и завтра также». Таким образом, угодник Божий, снисходя усталости посланника, провел следующую ночь в монастыре.

---

⁸ Должность дефенсора (защитника) в Римской церкви состояла преимущественно в попечении о бедных и также об охранении прав Церкви. С разными поручениями они были иногда посылаемы Римским епископом по областям.

16. На самом рассвете следующего дня к Юлиану прибыл новый папский посол-отрок, от поспешной езды едва не замучивший своего коня. Он привез Юлиану от папы письмо, в котором повелевалось последнему не дерзать беспокоить угодника Божия отправлением из монастыря. Когда Юлиан спросил у гонца, что заставило папу переменить свое распоряжение, получил в ответ, что в ту самую ночь, как Юлиан отправился в монастырь, было папе некоторое страшное видение с упреком, зачем он осмелился требовать к себе из монастыря угодника Божия. Юлиан тотчас отправился к св. Эквицию и, поручая себя его молитвам, возвестил, что папа повелел не беспокоить его отправлением из монастыря.

17. Услышав это, угодник Божий опечалился и сказал: «Не говорил ли я тебе вчера, что если не отправимся теперь, так и вовсе не отправимся?» Потом, желая выразить свою любовь к маленькому (второму) послу папскому, он повел его в свою келию и прилично наградил его за труд, хотя гонец отказывался и не хотел брать.

18. Познай же из этого, возлюбленный Петр, как Господь хранит тех, которые уничижают себя в настоящей жизни; как сопричисляются к согражданам отечества небесного те, которые не стыдятся презрения со стороны людей; как, напротив, презренны в очах Божиих надменные искатели суетной славы пред самими собою и пред ближними. Посему-то и глаголет нам Сама Истина: *вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши, ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом* (Лк. 16, 15).

19. Петр. Для меня очень удивительно, отче, как же могли оклеветать пред папою столь великого человека?

Григорий. Чему удивиться, возлюбленный Петр? Не все ли мы, как люди, подвержены греху? Неужели ты не знаешь, что и Давид, этот муж, исполненный духа пророческого, осудил Ионафанова сына по наветам раба? (2 Цар. 16, 3–4). Ведь мы веруем, что распоряжение царя Давида, по неведомому суду Божию, было справедливо, но в то же время не знаем, как согласить этот поступок со справедливостью по понятиям человеческим. Что же после этого удивительного, что мы, не будучи пророками, иногда дозволяем языку льстецов вводить нас в грех? Тем более не удивительно, если подвергнется искушению кто-либо из верховных пастырей, на котором лежит так много забот. Внимание, рассеявшееся по многим предметам, тем менее останавливается на чем-нибудь одном; и чем обширнее круг предметов для наших занятий, тем легче ввести в обман ум наш по отношению к какому-либо одному из них.

Петр. Совершенно справедливы слова твои, святой отче.

20. Григорий. Не могу также не передать тебе, что я узнал из рассказов некоего почтенного мужа Валентина об этом святом настоятеле. По словам Валентина, тело св. Эквиция было положено в храме блаженного мученика Лаврентия. Случилось однажды, что на гроб этого святого один поселянин поставил сосуд с хлебом, ибо он не позаботился ни узнать, какой великий угодник тут покоится, ни поклониться его гробу. Тогда вдруг поднялся сильный ветер и, между тем как все прочее в храме оставалось неподвижно на своем месте, сосуд, поставленный на гробнице, был сброшен и далеко откинут, так что всем стало очевидно, сколь великого угодника Божия тело покоилось на том месте.

21. Еще я тебе скажу нечто, что узнал из беседы с прежде упомянутым почтенным Фортунатом, которого я вполне уважаю как по его возрасту, так и по духовным подвигам и простоте сердца. На Валерийскую провинцию напали лонгобарды; тогда иноки монастыря св. Эквиция скрылись в упомянутый храм ко гробу угодника. Когда неистовые лонгобарды вторглись в храм и повлекли иноков вон, чтобы предать их мучениям и смерти, один из братьев с воплем и глубокою скорбью воззвал: «О святой Эквиций! Неужели тебе угодно оставить нас на волю мучителей?» Тотчас после этой молитвы нечистый дух напал на неистовых лонгобардов, поверг их на землю и дотоле мучил, пока не сделалось это известно и прочим лонгобардам, находившимся вне храма. После сего ни один из них не дерзнул уже так нагло

нападать на святое место. Св. Эквиций, защитивший таким образом своих учеников, и после того многим, прибегавшим к его гробу, оказывал помощь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О Константине, парамонаре церкви св. Стефана⁹

1. Теперь расскажу тебе, что узнал из беседы с одним знакомым мне епископом. Он много лет проводил монашескую и притом очень благочестивую жизнь в городе Анконе. Его рассказы подтверждают и другие знакомые люди пожилых лет и жившие в той стране.

2. Близ города Анконы находилась церковь во имя святого мученика Стефана. При ней исправлял должность парамонаря человек, уважаемый по жизни, Константин. Слух о его святой жизни распространился очень далеко, ибо сей человек, совершенно презрев все земное, всею душою прилепился лишь к небесному. Однажды в этой церкви не достало масла и у раба Божия Константина не было вовсе, чем бы засветить лампы; но он, не смущаясь, налил в лампы воды и опустил светильню; потом, когда, принеся огня, засветил, вода стала гореть так, как будто в лампадах было налито масло. Подумай же, возлюбленный Петр, какой великий подвижник был этот Константин, когда в крайности мог изменять свойство стихий.

3. Петр. Поистине изумительны повествования твои, отче. Но мне хотелось бы знать, на какой степени внутреннего смирения стоял этот человек, творивший столь необыкновенные дела вовне?

Григорий. Хорошо, что ты в чудотворениях стараешься познать душевные свойства человека, ибо внешние действия чудесные приводят дух его в сильное искушение. Но каким смирением обладал св. Константин, ты тотчас увидишь, как скоро выслушаешь рассказ только об одном из его деяний.

Петр. Да, после повествования о столь великом чуде тебе остается только рассказывать в мое назидание о его душевном смирении.

4. Григорий. Как скоро молва о святости Константина далеко распространилась, множество народа из разных областей начало приходить с нетерпеливым желанием видеть святого. Однажды из отдаленной страны пришел посмотреть на него какой-то поселянин. В то время св. Константин, стоя на деревянной скамье, поправлял лампы. Ростом святой был очень мал, на вид худ и лицом весьма невзрачен. Между тем пришедший посмотреть на святого расспрашивал всех, где он, и с нетерпением просил указать на него. Знавшие святого исполнили желание поселянина. Но как люди невежественные часто судят о душевных добродетелях по внешнему виду, то и поселянин, видя пред собою этого малорослого и невзрачного служителя, не хотел думать, чтобы это был святой. Поселянину казалось, что слышанное им о святом противоречило тому, что он видел теперь сам. Не может быть, думал он, чтобы человек, по общей молве столь знаменитый, был так ничтожен по внешности. Когда же многие подтвердили ему, что это действительно знаменитый святой, он неуважительно и насмешливо сказал: «Я думал видеть важного человека, а этот и на человека-то не похож».

5. Лишь только услышал эти слова св. Константин, тотчас оставил лампы, которые опрашивал, быстро и с радостным видом подошел к поселянину, заключил его в свои объятия, с необыкновенною любовью начал его лобызать и от полноты сердца благодарил, что поселянин сделал о нем такой отзыв: «Один ты, – говорил святой, – сделал обо мне справедливый отзыв!»

6. Из этого можно заключить, как глубоко было смирение святого, когда он оказал так много любви к поселянину, несмотря на невыгодный о себе отзыв. Душевные качества человека всего скорее познаются из того, как он переносит оскорбления от других. Ибо как гор-

---

⁹ Должность парамонаря состояла вообще в хранении церковного здания, в наблюдении за порядком при церковных дверях, за чистотой в храме и пр.

дые любят почет от других, так смиренные радуются своему унижению. Они остаются спокойны, когда другие презирают их, ибо видят, что мнение, составленное ими о самих себе, подтверждается и со стороны других.

Петр. Теперь я вижу, что как ни велик был этот святой по своим чудесам, но еще более велик по своему смирению.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О Марцеллине, епископе Анконском

1. В том же городе Анконе был епископом некто Марцеллин, муж строгой жизни. Тяжкая болезнь в ногах лишила его возможности ходить, так что когда нужно было ему куда-нибудь отправиться, слуги должны были носить его на носилках. Однажды по чьей-то небрежности в Анконе сделался пожар. Как скоро пламя значительно усилилось, все сбежались тушить. Но как ни усерд но заливали огонь, пожар распространялся более и более, так что грозил уже истребить весь город. Когда пламень пожара охватил уже ближайшие здания, истребил немалую часть города и никто не в силах был положить преграды его распространению, в это время вынесли епископа. Тронутый общим бедствием, он приказал своим носильщикам поставить себя на носилках против пламени.

2. Когда это было исполнено и носилки поставлены против того места, где наиболее свирепствовал огонь, пожар, к общему удивлению, перестал распространяться далее и тем самым как бы возвещал всем, что он не может преступить того места, где был епископ. Таким образом, пламень пожара, остановленный на известном месте, потух сам собою и ни одно здание уже более не пострадало от него. Помысли же, возлюбленный Петр, какую святостью обладал этот немощный человек, когда своею молитвою смог погасить страшный пламень.

Петр. Размышляю и – изумляюсь!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О Нонне, экономе монастыря, что на Сарактовой горе

1. Григорий. Теперь я расскажу тебе нечто о соседнем с Анконою месте, что я узнал из бесед с лицами, тебе известными: достопочтенным епископом Максимином и старцем иноком Лаврионом. Оба они и теперь еще живы. Престарелый Лаврион в монастыре Субпентомском, что близ города Непесина, был на попечении у некоего Анастасия, человека самой святой жизни. Недалеко от Субпентомского монастыря находился другой – на горе Соракт; в нем один достопочтенный муж, эконом Нонн, славился высокою и строго подвижническою жизнью. Эти причины, а равно и близость места, располагали Анастасия часто посещать Нонна. Начальником монастыря, в котором жил Нонн, был человек нрава самого крутого. Но Нонн с удивительным спокойствием всегда переносил его раздражение. Кротостью он превосходил всю братию и часто своим глубоким смирением смягчал гнев настоятеля.

2. Так как монастырь был расположен на самой вершине горы, то братия не могла найти там удобного места, чтобы развести хотя бы небольшой сад. На склоне горы было, впрочем, одно небольшое место, но совсем закрытое выдававшееся из горы огромною скалою. Однажды св. Нонну пришло на мысль, что это место могло бы быть употреблено под огород, если бы не мешала скала. Но сообразив, что камень так велик, что и пятьдесят пар волов не могли бы его отодвинуть, что, следовательно, всякая человеческая сила будет ничтожна для этого дела, святой обратился к Божественной помощи и среди ночной тишины погрузился в молитву. Наутро братия, пришедши к тому месту, увидели, что огромный камень далеко отвалился от прежнего места и оставил им обширное пространство для устройства огорода.

3. В другое время этот святой чистил в притворе храма стеклянные лампы. Одна выпала у него из рук и разбилась вдребезги. Испугавшись гнева настоятельского, Нонну собрал тотчас все осколки и, положив их пред алтарем, с великим стенанием начал молиться. Как же скоро встал с молитвы, то увидел, что лампада, осколки которой он собирал с таким страхом, цела. Таким образом, совершив эти два чуда, он уподобился двоим святым отцам: по отторжению скалы – св. Григорию, подвижшему своим словом целую гору, а по восстановлению лампы – св. Донату, который также восстановил в прежний вид разбитый сосуд¹⁰.

4. Петр. Теперь я вижу, что чудеса, совершавшиеся прежде, повторяются и ныне.

Григорий. Не угодно ли, я тебе расскажу также, что сделал некогда св. Нонн по подражанию пророку Елисею?

Петр. С нетерпением желаю выслушать.

5. Григорий. Однажды в монастыре оказался недостаток в елее; а между тем, хотя и пришло уже время собирать маслины, на деревьях монастырского сада вовсе не было плодов. Настоятель монастыря распорядился послать братию по окрестным местам помогать в собрании маслин хозяевам, в садах которых были плоды, чтобы на вырученные за труд деньги сколько-нибудь купить для монастыря елея. Но человек Божий Нонн, с великою, впрочем, кротостью, воспротивился этому, опасаясь, чтобы кто-либо из братии, удалившись из монастыря ради приобретения елея, не потерпел какого-нибудь душевного вреда. И как в монастырском саду на деревьях виднелись кое-где маслины, то св. Нонн велел их собрать, выжать из них сок и сколько получится таким образом елея, принести к себе.

6. Приказание было исполнено, и братия принесли святому выжатый елей и небольшом сосуде. Когда все удалились, св. Нонн поставил сосуд с елеем пред алтарем и помолился

---

¹⁰ Имеется в виду одно из чудес свт. Григория Чудотворца.

Богу. Потом, когда снова пришли к нему братия, он приказал им из принесенного сосуда разлить понемногу по всем имеющимся в монастыре сосудам, так чтобы в каждом было по несколько этого благословенного елея. Несмотря на это, сосуды были почти пусты; тогда святой велел закрыть их; когда же потом снова открыли их, то нашли, что они были полны елея.

Петр. Теперь очевидно, как постоянно исполняются слова Самой Истины: *Отец Мой* *доныне делает, и Я делаю* (Ин. 5, 17).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Об Анастасии, настоятеле монастыря Субпентомского

1. Григорий. В то же время достопочтенный Анастасий, о котором я упоминал прежде¹¹, был нотариусом¹² в Римской церкви, которой, по милости Божией, и я ныне служу. Желая посвятить жизнь свою единому Богу, он оставил свои письменные занятия и местом жительства избрал себе тот самый Субпентомский монастырь, о котором я говорил прежде. Там, как заботливый пастырь управляя монастырем, он провел много лет в святых подвигах. С вершины горы в том месте выдавалась огромная скала, так что вниз с нее открывалась страшная стремнина. Когда, по воле всемогущего Бога, уже приблизилось время св. Анастасию получить воздаяние за подвиги земной жизни, в одну ночь слышен был из этой высокой скалы голос, сопровождаемый сильным шумом: «Приди, Анастасий!» После сего и другие семь братий были также позваны по имени. Потом голос ненадолго затих, но вскоре позвал еще и восьмого брата. Все братство слышало этот голос, и никто не сомневался, что это предвещало близкую кончину тех, к кому голос относился.

3. Действительно, спустя несколько дней скончался сперва св. Анастасий, потом и другие по порядку, как призывал их голос. Тот брат, имя которого произнес призывающий глас после некоторого молчания, пережил всех других несколькими днями и потом также скончался. Из этого очевидно, что молчание голоса означало несколько дней жизни. Но вот какое чудо случилось при этом.

4. Когда св. Анастасий приближался к кончине, пришел к нему один из монастырской братии, которому не хотелось пережить своего настоятеля. Припав к стопам святого, он начал со слезами умолять его: «Заклинаю тебя Богом, к Которому ты отходишь, не допусти, чтоб более семи дней оставался я здесь после тебя». И действительно, не прошло и семи дней после смерти Анастасия, как брат этот скончался, хотя голос и не призывал его вместе с другими в ту ночь. Очевидно, что только молитва св. Анастасия могла даровать ему кончину.

5. Петр. Если, отче, этот брат пришел из сего мира только ради молитв св. Анастасия, хотя и не был призываем к тому гласом, то нельзя ли отсюда заключить, что великие угодники Божии могут иногда по своей молитве получить даже то, что не предопределено Богом?

Григорий. Нет; что Богом не предопределено, того они получить никак не могут; но что получают по своей молитве, то так и предопределено, то есть так и должно совершиться по молитве. Даже самое наследование Царствия Небесного так предопределено всемогущим Богом, что избранные получают оное за подвиги, смотря по тому, как возмогают они молитвою стяжевать себе дары, предопределенные им прежде веков всемогущим Богом.

6. Петр. Прошу тебя, отче, изъясни мне вполне: как это молитва может содействовать предопределению?

Григорий. Сказанное мною я могу тебе, возлюбленный Петр, объяснить в кратких словах. Ты, без сомнения, знаешь, что Бог сказал некогда Аврааму: *ибо в Исааке наречется тебе семя* (Быт. 21, 12); и в другом месте: *ибо Я сделаю тебя отцом множества народов* (Быт. 17, 5). Еще дано было ему следующее обетование: *Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих* (Быт. 22, 17). Эти обетования ясно показывают, что всемогущий Бог предопределил распространить семя Авраама чрез Исаака; а между тем вот что читаем в другом месте: *И молился Исаак Господу о [Ревекке] жене своей, потому что она была*

---

¹¹ В 7 главе сей книги.

¹² Нотариус – в Римской церкви занимался письменными делами по церковному управлению.

неплодна; и Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его (Быт. 25, 21). Если было предопределено, что потомство Авраама распространится чрез Исаака, то почему же жена его была неплодна? Но это-то и показывает, что предопределение совершается молитвою, ибо тот, кому предопределено было распространить семя Авраамово, только по молитве получил детей.

7. Петр. Слова твои, отче, раскрыли мне тайну, и теперь никакое сомнение меня не смущает.

Григорий. Не угодно ли, я расскажу тебе и о святых отцах, живших в Тусции, чтоб тебе известно было, какие и там были подвижники и как они своим познанием приближались к Богу.

Петр. Усерднейше прошу тебя рассказать об этом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ О Бонифации, Ферентском епископе

1. В городе Ференте был епископом некто Бонифаций, муж добродетельный, украшавший своею жизнью епископскую кафедру. Много рассказывал мне об его чудесах пресвитер Гауденций, который жив еще и теперь. Воспитавшись под руководством Бонифация, Гауденций тем более мог сообщить о нем истинных сведений, что сам был очевидцем дел его.

2. Церковь [Ферентская] находилась в то время в крайней бедности (бедность для добрых людей обыкновенно служит охранительницею смирения): все средства для ее поддержания заключались только в одном винограднике. Но однажды выпал столь сильный град, что во всем винограднике только кое-где виднелись ветки винограда. Когда после этого упомянутый угодник Божий епископ Бонифаций вошел в сад, то воздал всемогущему Господу сердечное благодарение за то, что посетил их скорбью в самой бедности.

3. Когда же приблизилось время созреть винограду на оставшихся ветках, по обычаю епископ повелел приставить к винограднику стража и наказал ему как можно бдительнее стеречь вверенное. Потом он приказал внуку своему, пресвитеру Констанцию, приготовить для вина все употреблявшиеся и прежде для сей цели в епископии сосуды и бочки, засмолив их надлежащим образом. Внук пресвитер, услышав такое распоряжение, чрезвычайно изумился; ему казалось весьма странным, зачем епископ приказал приготовить для вина все сосуды, когда вина почти вовсе не могло быть? Впрочем, он не стал спрашивать о причинах, по которым было дано такое распоряжение, но согласно приказанию исполнил все как следовало. После сего угодник Божий Бонифаций отправился в виноградник, собрал оставшиеся ветви винограда, отнес в точило и, приказав всем удалиться, сам остался в винограднике с малолетним дитятей, приказал ему сойти в точило и истоптать собранные ветки, которых было весьма немного. Как скоро было выжато из этих веток небольшое количество вина, человек Божий собрал оное своими руками в небольшой сосуд и начал разливать с благословением по всем приготовленным сосудам и бочкам, так что в некоторые сосуды едва досталось вина.

4. Когда таким образом во все сосуды налито было по несколько вина, епископ повелел пресвитеру тотчас собрать и привести бедных. Как же скоро это было сделано, в точиле оказалось вина столько, что им наполнены были все сосуды, принесенные бедными. После чего, увидев, что нужды всех были достаточно удовлетворены, святой приказал дитяти оставить точило, запер погреб и, утвердив вход в него своею печатью, возвратился домой. На третий день он позвал к себе пресвитера Констанция и, совершив молитву, отпер погреб. Оказалось, что все сосуды, в которые было влито им по несколько капель вина, были теперь переполнены им, так что если бы епископ еще несколько замедлил своим приходом, то весь пол погреба был бы залит вином.

5. Тогда он строго заповедал пресвитеру никому не говорить об этом чуде, пока будет жив он, Бонифаций; святой опасался, чтобы мирская слава о содеянном им чуде, которая бы возвысила его перед людьми, не послужила ко вреду его душе. Так подражал он примеру Учителя, Который, наставляя нас Своим примером на путь смирения, заповедал ученикам никому не говорить о чудесах Его, *доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых* (Мф. 17, 9).

6. *Петр.* Как теперь представился удобный случай, я спрошу тебя, отче, почему Искушитель наш, возвратив зрение двоим слепцам, запретил им поведать об этом кому бы то ни было, а они разгласили о чуде по всей стране (Мф. 9, 27–31)? Неужели Единородный Сын, совечный Отцу и Святому Духу, хотел того, что не могло исполниться, то есть чтобы не говорили о чуде, которое никак нельзя было скрыть?

7. Григорий. Все, что совершал Спаситель наш в этом смертном теле, – все для того, чтобы даровать нам пример для подражания, чтобы мы, по мере собственных сил, шествуя по Его стопам, беспреткновенно совершили трудный путь настоящей жизни. Он сотворил чудо и запретил разглашать о нем, хотя это было невозможно; этим Он хотел показать, что и избранные Божии, если желают следовать примеру и учению Его, должны, сотворив что-либо великое, в душе своей питать желание, чтобы дело это осталось неизвестным, хотя бы, вопреки сему желанию, дело и обнаружилось для пользы ближних. Ибо как желание, чтобы великие дела оставались неизвестными, есть признак глубокого смирения, так и невозможность сокрыться этим делам приносит великую пользу другим. Посему Господь не того хотел, чтобы исполнилось невозможное, а хотел только, в научение наше, показать в своем примере, чего должны желать члены Его [таинственного] Тела и что может быть вопреки их желанию.

Петр. Я совершенно доволен, отче, твоим объяснением.

8. Григорий. Как мы заговорили о св. Бонифации, то остается рассказать еще о некоторых его чудесах. В каком-то году приближался день памяти блаженного мученика Прокула. В то время в Ференте жил некто Фортунат, человек именитый. Он усиленно просил достопочтенного Бонифация по совершении торжественного богослужения в честь блаженного мученика посетить дом его для благословения. Угодник Божий не мог отказаться от того, что предлагаемо было ему сердечным расположением Фортуната. Поэтому, совершив торжественное богослужение, он приходит в дом упомянутого Фортуната ко времени вкушения трапезы. Но прежде чем он совершил обычную предтрапезную молитву, у дверей дома явился какой-то человек с музыкальными инструментами и стал бить в кимвал (так как у некоторых есть обычай вкушать пищу под звуки музыки). С неудовольствием слушая звуки этой музыки, святой сказал: «Ах, умирает, умирает этот несчастный! Я пришел к этой приятной трапезе и еще не успел открыть уст своих к славословию Божию, как он уже начал заниматься своей музыкой». Потом он присовокупил: «Пойдите и с любовью предложите ему пищу и питье, но знайте, что это мертвец».

9. Действительно, как скоро этому несчастному человеку вынесли из дома хлеб и вино и он пошел назад, вдруг огромный камень упал с крыши дома и поразил его в самое темя. После этого удара он полуживой был поднят с земли и на другой день, по предсказанию святого, совсем простился с жизнью. Посуди же теперь, возлюбленный Петр, какой благоговейный страх должны мы питать к святым людям, в которых видимо обитает Бог! И как скоро возбуждается на что-нибудь гнев во святом человеке, к кому мы должны относить это, как не к Тому, Кто невидимо обитает в душе святого? Посему тем более должны мы опасаться, чтобы не возбудить гнева в праведнике, чем несомненное то, что в сердце его присно обитает Тот, Который всегда силен воздать нам отмщение по его желанию.

10. Случилось также однажды, что упомянутый пресвитер, внук св. Бонифация Констанций, продал своего коня за двенадцать золотых монет и, положив их в свой ковчежец, отправился на какое-то дело. В это самое время приходят в дом епископа нищие и неотступно просят св. Бонифация подать им что-нибудь в облегчение их бедности. Но как у человека Божия не было ничего для подаяния, то и начал он душевно сокрушаться, что вот уйдут от него бедные без помощи. Вдруг он вспомнил, что внук его, пресвитер Констанций, продал своего коня и что вырученные деньги лежат у него в ковчежке. Итак, несмотря на то, что внука не было дома, святой отыскал ковчежец, отломал для своей святой цели замок, вынул двенадцать золотых монет и разделил их по своему усмотрению между нищими.

11. После возвращается пресвитер Констанций и видит, что ковчежец его взломан и что нет уже в нем положенных за продажу коня денег. Тогда в сильном гневе он начал громко кричать: «Все здесь живут как следует, мне только одному житья нет!» Услышав эти возгласы, приходит епископ, собираются также и все жившие при епископии. Святой стал кротко успо-

каивать пресвитера, а тот продолжал в раздражении кричать: «Все живут в твоём монастыре спокойно, только мне от тебя житья нет! Отдай мне деньги!»

12. Опечаленный этими оскорбительными возгласами, епископ идет в храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, облачается в священные одежды и, воздев руки к небу, начинает молить Богоматерь, чтобы Она помогла ему укротить безумную раздражительность пресвитера. Вдруг по окончании молитвы, взглянув на свою одежду, епископ видит, что у него за пазухой двенадцать золотых монет, так ярко сияющих, как будто бы они были сейчас только отчеканены.

13. Немедленно идет он из церкви к гневному пресвитеру, возвращает деньги со словами: «Вот тебе твои деньги, но знай, что за скупость не быть тебе здесь епископом по моей смерти!» Из слов святого видно, что пресвитер приготовил эти деньги на случай достижения епископства. Но предсказание святого исполнилось: Константин кончил жизнь в пресвитерском чине.

14. В другое время зашли в монастырь св. Бонифация два гота и сказали, что спешат в Равенну. Святой сам налил им небольшой сосуд вина, чтоб им было чем подкрепить себя на дороге. Но из этого небольшого сосуда у готов не иссякало вино до самой Равенны. Потом еще несколько дней они пробыли в Равенне, пили вино каждый день, и оно не оскудевало; наконец по той же дороге возвратились они к святому отцу в Ферент, продолжали пить вино ежедневно, но вино не убывало из сосуда: не то чтобы вино в сосуде, данном им епископом, прибывало, а только не убывало.

16. Еще недавно приходил ко мне из тех мест один старец-клирик. Не могу не передать тебе, что он рассказал мне о св. Бонифации. Однажды св. Бонифаций пошел в монастырский сад и увидел, что все растения покрыты червем; особенно же овощные растения совсем пропадали. Тогда он сказал червю: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе оставить растения и не истреблять овощей!» Червь тотчас же по слову святого пропал, так что и следа его не осталось во всем саду. Но эти чудеса, соделанные св. Бонифацием в сане епископа, когда, вместе с благодатью этого сана, возрастало в нем пред лицом всемогущего Бога и нравственное преуспеяние, еще не так удивительны, как те, которые он творил, по словам того же старца-клирика, еще будучи в отроческих летах. В этом возрасте, когда он еще жил со своею матерью, нередко он возвращался домой то без верхней, то даже без нижней одежды. Ибо, посещая разные дома, как скоро он видел какого-нибудь бедняка неприкрытым, снимал свою одежду и отдавал ему, питая упование, что Сам Господь, пред очами Которого он творил добро, воздаст ему. Мать часто его бранила и выговаривала, что за охота была ему отдавать другим одежду, когда сам беден.

17. Но вот однажды она пошла в свою житницу, где хранился хлеб, заготовленный для годового содержания, и видит, что сын ее всю почти пшеницу роздал бедным. Мать пришла в отчаяние, начала терзаться и плакать, что вот пропал годовой их запас. Приходит благочестивый отрок Бонифаций и как умеет начинает ее утешать. Но так как его утешения нисколько не действовали, то он попросил мать выйти из житницы, в которой так немного осталось у них пшеницы из целого годового запаса. Потом повергся пред Богом с молитвою и немного спустя пригласил мать снова в житницу. Пшеницы оказалось теперь такое количество, что не было столько и тогда, когда у матери был собран запас на целый год. Мать изумилась, увидев это чудо, и, познав, как действительна была молитва отрока, сама с того времени заставляла его раздавать хлеб.

18. Мать обыкновенно всегда держала у себя в доме несколько домашних птиц; но с соседнего поля привыкла ходить за ними лисица. Однажды, когда отрок Бонифаций был в загороде, где содержались птицы, лисица у него на глазах схватила одну. Тотчас он отправился в церковь и там, простершись в молитве пред Богом, взывал: «Господи, неужели Тебе угодно, чтоб я даже и не вкусил того, что мать приготовляет для меня в пищу? Вот она

откармливает птиц, а лисица их пожирает!» Кончив молитву, он вышел из церкви и вдруг видит – лисица воротилась и несет во рту похищенную птицу; выпустив ее, лисица тотчас же сама издохла на месте на глазах Бонифация.

19. Петр. Удивительное дело, как Господь исполняет молитвы уповающих на Него даже относительно таких ничтожных предметов.

Григорий. Все это совершается, возлюбленный Петр, по премудрому намерению нашего Создателя – чтобы, получив малое, мы воспитали в себе надежду получить и большее. Невинное и набожное дитя увидело исполнение своего детского желания, и это должно было вразумить его, какое дерзновение оно может иметь пред Богом, испрашивая большего.

Петр. Да, справедливы слова твои, отче.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ О Фортунате, Тудертском епископе

1. Григорий. В тех же странах, в городе Тудерте, был епископом некто Фортунат, человек благочестивой жизни. Он получил от Бога необыкновенный дар – изгонять нечистых духов, так что иногда целые легионы бесов силою его молитвы должны были оставлять одержимых ими. Также силою крепкой молитвы он отражал полчища демонов и от самого себя. К св. Фортунату был весьма близок дефенсор нашей церкви Юлиан, который еще недавно умер в Риме. С его-то слов я и хочу теперь рассказать тебе нечто, ибо Юлиан, по своей близости к св. Фортунату, был часто очевидцем его дел, и так приятно было слушать нам его назидательные воспоминания о святом, как будто бы мед капал из уст его.

2. У одной знатной госпожи, недалеко от Тусции, жила невестка, недавно еще вышедшая замуж за ее сына. Однажды свекровь пригласила ее с мужем отправиться вместе на освящение церкви во имя святого мученика Севастиана. В ночь пред отправлением на освящение упомянутого храма невестка не могла воздержаться от плотского удовольствия с мужем. Хотя поутру совесть сильно укоряла ее за это удовлетворение вожделениям плоти, но в то же время и стыдно было ей отказаться от данного обещания. Итак, более по ложному стыду пред людьми, чем по богобоязненности, она отправилась со своею тещею на освящение храма. Когда мощи святого мученика Севастиана были внесены в храм, злой дух напал на невестку и на виду у всех начал ее мучить.

3. Один из пресвитеров этого храма, видя ее страшные мучения, тотчас вынес из алтаря синдон¹³ и возложил на беснующуюся, но дух нечистый напал тут же и на него. Об этом можно было заключить из того, что пресвитер обнаруживал в припадках признаки неукротимой силы. Некоторые из присутствовавших вынесли женщину из храма в собственный ее дом. *Человекоубийца искони* (Ин. 8, 44) не переставал постоянно повергать ее в страшные мучения.

4. Родственники бесновавшейся из любви к ней (впрочем, не духовной, а плотской) употребляли всевозможные средства, чтобы возвратить ей здоровье, наконец отдали на руки каким-то знахарям, как будто хотелось им, вылечив с помощью каких-нибудь волшебных снадобий тело больной, погубить окончательно ее душу. Итак, знахари повели ее к реке, погрузили в воду, и начались у них продолжительные заговоры для изгнания нечистого духа. Но, по неисповедимой воле всемогущего Бога, как скоро с помощью волшебного искусства вышел из нее один демон, на место его вошел целый легион. После этого больная начала так сильно биться и так неистово кричать, как только можно было ожидать от целого легиона демонов.

5. Увидев несчастные плоды своего суеверия, родители больной, посоветовавшись между собою, привели ее к святому епископу Фортунату и поручили его попечениям. Он не отказался принять ее и долго день и ночь молился, усугубляя свои молитвы тем с большею ревностью, чем очевиднее было, что он должен изгнать целый легион бесов из одного человека. И действительно, спустя несколько дней Фортунат возвратил ее родителям в таком здравии и спокойствии, как будто бы нечистый дух и не прикасался к ней.

6. В другой раз угодник всемогущего Бога также изгнал из человека нечистого духа. И вот однажды в сумерки, когда в городе все было тихо, изгнанный нечистый дух, приняв на себя образ какого-то странника, начал ходить по улицам города и кричать: «Вот что сделал святой-то епископ Фортунат! Выгнал из своего дома странника! И теперь вот я ищу по

---

¹³ Синдон – одна из священных одежд.

городу ночлега и не могу найти!» Этот голос услышал один отец семейства из своего дома, где он перед камином сидел с женою и малолетним сыном. Расспросив, что сделал епископ, он пригласил странника к себе в дом и посадил вместе с собою перед камином. Едва только они обменялись между собою несколькими словами, нечистый дух вдруг напал на малолетнего хозяйского сына, поверг его в огонь и там задушил. Несчастный отец тотчас догадался, кого изгнал от себя епископ и кого он принял в свой дом.

7. Петр. Как же это, отче, исконный человеконенавистник мог сделать убийство в доме того, кто принял его как странника для приюта?

Григорий. Многое, возлюбленный Петр, нам кажется хорошим, хотя и не таково на самом деле, потому что совершается не с доброю целью. Потому и в Евангелии Истина говорит: *если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно* (Мф. 6, 23). Если нечисто намерение, предшествующее действию, то и самое действие будет дурно, хотя бы и казалось хорошим. Так и здесь – последовавшее наказание обнаружило, что дело было предпринято с нечистою целью. И я думаю, что этот человек, лишившийся сына за свое гостеприимство, потерпел наказание потому, что предпринял доброе дело не по побуждениям благочестия, а из желания унижить епископа. Ибо есть люди, которые стараются делать добро только для того, чтоб унижить значение добрых дел другого: не добро для них приятно делать, а унижать другого славою о своих добродетелях. Поэтому я думаю, что человек, оказавший гостеприимство нечистому духу, водился больше гордостью, чем желанием сделать добро; ему хотелось, чтобы все знали, что вот он превзошел епископа добродетелью, что он принял того, кого угодник Божий Фортунат изгнал.

Петр. Да, твои слова справедливы. Из последствий дела очевидно, что в основании его лежала нечистая мысль.

8. Григорий. В другой раз еще случилось вот что: человек, потерявший совершенно зрение, обратился с просьбою о помощи к тому же святому и получил ее. Ибо как скоро человек Божий, сотворив молитву, осенил очи крестным знамением, мрак слепоты тотчас исчез и зрение возвратилось.

9. У одного воина впал в бешенство конь, так что несколько человек едва могли его сдержать, и всякого, кто приближался к этому коню, он жестоко кусал. Наконец его связали и привели к святому Фортунату. Едва только святой изобразил над конем крестное знамение, как всякое бешенство пропало и конь сделался послушнее, чем был до припадка.

10. Воин, видя, что конь его чудесною силою так скоро исцелился от бешенства, вздумал подарить его святому. Святой отказался принять дар; но как воин настоятельно просил не презреть его дара, то святой человек избрал средину между двумя крайностями. Он принял просьбу воина, но, не желая себе награды за сделанное добро, не прежде согласился взять коня, как заплатив за него надлежащую цену. Святому не хотелось отказом оскорбить жертвователя, и вот он, по побуждениям любви, покупает совершенно для себя не нужное.

11. Не могу не рассказать тебе также, что я слышал об этом святом дней двенадцать тому назад. Пришел ко мне какой-то бедный старец, и так как я особенно люблю разговаривать со старцами, то начал его расспрашивать, откуда он, и узнал, что он из города Тудерта. «Так скажи, не знаешь ли ты епископа Фортуната?» – спросил я. «Знал, и очень хорошо», – отвечал старец. «Скажи же, пожалуйста, – продолжал я, – не знаешь ли каких-нибудь его чудес и опиши мне этого святого мужа».

12. «Это был, – отвечал старец, – совсем не такой человек, каких мы привыкли всегда видеть. Чего бы он ни просил у всемогущего Бога, прошение его всегда исполнялось. Расскажу тебе только об одном чуде, которое пришло мне теперь на память».

13. Однажды через город Тудерт проходили готы, отправлявшиеся в Равенну. Из деревни, находящейся неподалеку от города Тудерта, они похитили двоих мальчиков. Как скоро сказали об этом святому Фортунату, он немедленно позвал к себе готов. Когда же они

явились, святой начал кротко с ними беседовать и старался ласкою смягчить их свирепость. Потом обратился к ним со следующим вопросом: “Какой желаете получить выкуп за этих увезенных мальчиков? Я дам вам выкуп, а вы, в знак своего расположения ко мне, возвратите мне детей”. На это гот, казавшийся первым между другими, отвечал: “Проси чего-нибудь другого, все готовы для тебя сделать, а этих мальчиков не отдадим ни за какую цену”.

14. Святой сказал ему с кроткой угрозой: “Напрасно, сын мой, печалишь ты отца своего; не причиняй мне скорби, чтоб не случилось с тобой чего-нибудь неприятного”. Но гот, по зарубелости своего сердца, отказал святому и ушел. На другой день перед отправлением в путь тот же гот опять приходит к святому и святой снова начинает его по-прежнему упрашивать о возвращении малюток. Гот опять отказался удовлетворить его просьбу. “Знай же, что не будет тебе на дороге счастья, когда ты опечалил меня”, – сказал святой в неудовольствии. Гот оставил без внимания эти слова и, возвратившись в дом, где останавливался, посадил упомянутых малюток на коня и отправил со своими товарищами, сам же поехал на коне вслед за ними. Когда он ехал мимо церкви св. Павла, конь его преткнулся, всадник упал и переломил себе ногу пополам. Его подняли и отвели назад. Тотчас же больной послал воротить детей и просил св. Фортуната прислать к нему своего слугу.

15. Как скоро слуга пришел, больной, отказавшийся прежде вернуть детей, тотчас же передал их посланному, сказав: “Ступай и скажи господину моему епископу: ты не благословил его, и вот он пострадал; прими же теперь детей, о которых просил, и помоги ему”. Слуга не медля повел к епископу детей, а блаженный Фортунат дал ему святой воды, чтоб поскорее окропил ею больного. Слуга снова отправился к больному готу и возлил святую воду на тело его. Удивительное и непостижимое дело! Едва только вода коснулась больного места, болезнь миновала и кость пришла в прежнее положение, так что гот тотчас же встал с постели и продолжал путешествие, как будто бы он никогда не подвергся никакой болезни. Таким образом гот, не хотевший послушаться святого и вернуть детей за деньги, наказанием Божиим был вынужден вернуть их без выкупа».

16. Кроме этого случая, старец рассказывал мне и о некоторых других чудесах св. Фортуната. Но как меня в то же время дожидались некоторые, желавшие получить духовное наставление, и было уже очень поздно, то мне и нельзя было долго слушать его рассказов, хотя я, если можно, всегда готов слушать их с удовольствием.

17. В другое посещение старец рассказал о св. Фортунате нечто еще более удивительное. «В городе Тудерте, – говорил он, – жил вместе с двумя родными сестрами некто Маркелл, человек хорошей жизни. Он был нездоров и скончался вечером в великий день пасхальной субботы. Так как далеко было нести его на кладбище, то он и остался непохороненным в этот день. Но когда пришло время совершить погребение, сестры Маркелла, скорбя об его утрате, прибегли к св. Фортунату и со слезами и воплями начали умолять его. «Знаем, – говорили они, – что ты творишь чудеса апостольские: исцеляешь прокаженных, слепым возвращаешь зрение, – приди и воскреси нам умершего брата». Святой, как скоро услышал о смерти брата их, сам прослезился и сказал сестрам: «Ступайте и не просите об этом; на все есть воля всемогущего Бога, противиться ей никто не может». Они ушли, но епископ не переставал скорбеть о смерти их брата.

18. На следующий же воскресный день, еще до рассвета, в сопровождении двоих слуг он отправился в дом умершего и, приблизившись к одру, на котором лежало бездушное тело, повергся с молитвою пред Богом; потом, совершив молитву, сел близ умершего и тихо назвал его по имени: «Брат Маркелл!» Как ни тихо были произнесены эти слова, умерший, как бы сквозь легкий сон, услышал их, открыл глаза и, взглянув на епископа, сказал: «Ах, что со мной сделалось! Что со мной сделалось!» – «Что же с тобой сделалось?» – спросил епископ. «Вчера, – отвечал умерший, – приходили за мной двое и, разлучив с телом, отвели в неко-

торое прекрасное место, а ныне один из них опять пришел и сказал: «Отведите назад его, потому что епископ Фортунат пришел к нему в дом».

19. Сказав это, умерший тотчас встал и долго после того еще жил. Впрочем, не надобно думать, чтобы он потерял блаженство, которое получил было после первой смерти; ибо если он еще до своей первой смерти благоугодил Всемогущему Богу, то, без сомнения, подкрепляемый молитвами святого еще благочестивее начал жить по воскресении. Но зачем же нам много говорить о богоугодной жизни св. Фортуната, когда доказательства величия его добродетелей мы имеем постоянно перед глазами в его нетленных мощах? Как при жизни он всегда прогонял бесов, исцелял всякого больного, приходившего к нему с верою, так и по смерти то же совершает чрез нетленные свои останки.

20. Впрочем, возлюбленный Петр, мне надобно досказать тебе о великих чудесах святых, живших в Валерийской провинции, о чем рассказывал мне вышеупомянутый достопочтенный Фортунат. Он и ныне часто посещает меня и, повествуя о деяниях святых мужей, доставляет мне всегда новое удовольствие.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ О Мартирии, иноке Валерийской области

В Валерийской провинции жил некто Мартирий, великий угодник Божий, и вот что он совершил в знамение своей великой святости. Однажды братия, жившие с ним, сажали в печь хлеб и забыли изобразить на нем крестное знамение, как обыкновенно это делывалось в той стране на тесте, которое казалось от того как бы разделенным на четыре части. Святой был тут же и заметил, что на хлебе не изображено было крестное знамение. Когда хлеб посадили в печь и закрыли углями и пеплом, святой спросил: «Почему же вы не изобразили на тесте крестного знамения?» И тотчас изобразил пальцем крестное знамение по направлению к тому месту, где был посажен хлеб под углями. От этого хлеб издал такой треск, какой слышится, если лопнет на огне большой глиняный сосуд. Когда вынули из печи готовый хлеб, увидели на нем изображение крестного знамения, произведенное не прикосновением, а верою.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ О Севере, пресвитере из той же области

1. В той же области есть долина, известная под именем Интероринской, а в просторечии – Интерокринской. На ней стояла церковь во имя Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, а при церкви пресвитером был некто Север, человек чудной жизни. Однажды прислали за пресвитером с просьбою посетить как можно скорее один дом, где умирал отец семейства. Умиравший просил священника прийти, чтобы очистить совесть его таинством покаяния, помолиться Богу о его грехах и мирной кончине. Когда пришли посланные, пресвитер был в саду – очищал деревья – и по просьбе обещал немедленно прийти. Но видя, что немного уже оставалось доделать в саду, пресвитер несколько помедлил, чтобы окончить начатое; кончив, отправился к больному. На дороге встретили его прежние послы словами: «Что ты, отец, замедлил? Теперь уже не беспокойся, больной умер». Услышав это, пресвитер сильно испугался и громогласно называл себя убийцею больного.

2. В слезах пришел он к одру умершего, с рыданием повергся пред ним на землю. Когда таким образом он неутешно плакал, бился головой о землю и называл себя виновником его смерти, вдруг душа возвратилась к умершему. Предстоящие (их было много), увидев это, вскрикнули от удивления и плакали от радости больше, чем прежде от скорби. Воскресшего начали спрашивать: где он был и как возвратилась к нему душа? «Трое каких-то, – отвечал воскресший, – взяли мою душу из тела и повели ее; из ноздрей и уст их исходил нестерпимый для меня пламень; вели они меня по местам мрачным; но вдруг является навстречу нам прекрасный по виду юноша. Обратившись к ведшим меня, он сказал: “Возвратите его, потому что о нем слезно плачет пресвитер Север, и Господь даровал эту душу его слезам”.

3. Север, выслушав это, тотчас встал, преподал ему таинство покаяния и молился о нем Богу. В продолжение семи дней оживший заглаждал покаянием содеянные грехи, а на восьмой с весельем предал дух свой Богу. Подумай же теперь, возлюбленный Петр, с какою любовью Господь внял молитве пресвитера Севера, когда не восхотел оставить его в печали.

4. *Петр.* Поистине, это весьма удивительное дело! Я до сих пор ничего подобного не знал. Но вот говорят, что ныне уже нет столь великих святых!

Григорий. Я думаю, возлюбленный Петр, что и ныне есть много таких людей. Из того, что они не совершают таких чудес, еще не следует, что они не таковы же на самом деле. О жизни надобно судить не по внешним знамениям, а по важности подвигов. Ибо много есть людей, которые хотя и не творят чудес, но не меньше тех, которые творят.

5. *Петр.* Скажи, пожалуйста, чем же мне увериться, что не творящие чудес иногда бывают несколько не ниже творящих.

Григорий. Например, разве ты не знаешь, что апостол Павел есть брат апостолу Петру – первому с точки зрения апостольского первенства?

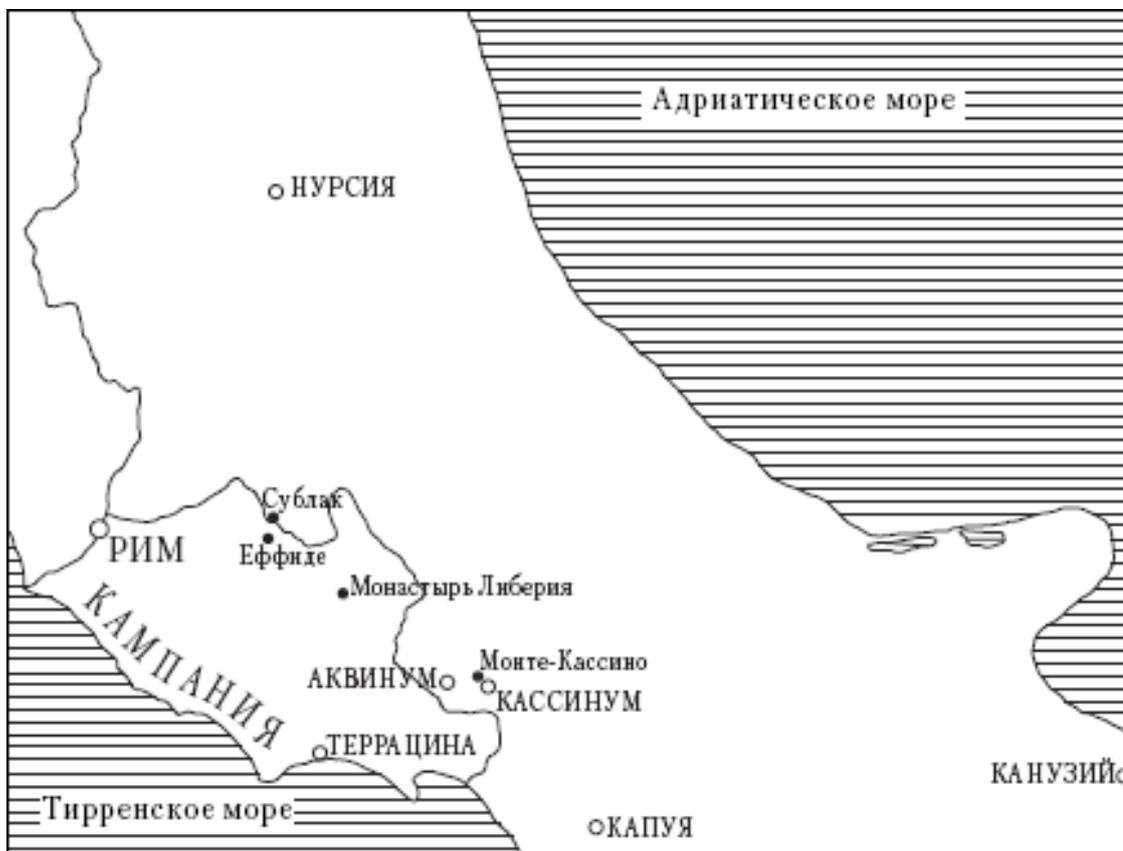
Петр. Знаю и совершенно уверен, что хотя Павел и называл себя меньшим между апостолами, но он более всех потрудился (1 Кор. 15, 9–10).

Григорий. Припомни же теперь: Петр ходил по водам (Мф. 14, 29), а Павел потерпел на море кораблекрушение (2 Кор. 11, 25); вот по отношению к одной и той же стихии – Павел не мог плыть и на корабле, а Петр ходил по морю как по суку. Теперь не очевидно ли, что хотя в совершении чудес оба они обнаружили неодинаковую силу, но заслуги их пред Богом совершенно равны.

6. *Петр.* Объяснения твоего совершенно достаточно. Теперь ясно вижу, что нужно смотреть на жизнь, а не на чудеса. Но как и чудеса служат доказательством святой жизни, то, прошу тебя, Расскажи мне еще что-нибудь – напитай мою алчущую душу добрыми примерами.

7. Григорий. Во славу нашего Искупителя, я тебе расскажу о некоторых чудесах святого Венедикта. Но теперь у меня нет свободного времени, поговорим об этом в другой раз.

КНИГА ВТОРАЯ

*Карта Центральной Италии
V–VI века*

1. Был муж достопочтенной жизни, по имени и благодати Венедикт¹⁴, который от самого отрочества хранил чистоту сердца. Чистотою нравов он возвышался над летами и не подчинял души своей никакой страсти, но, будучи еще на сей земле, уже презрел мир с его прелестями как бесплодный, хотя по обстоятельствам мог бы свободно наслаждаться его благами. [Св. Венедикт] происходил от благородных родителей из области Нурсии, а в Риме отдан был для обучения свободным наукам. Но когда он понял, что от наук многие впадают в пороки, тотчас вышел из училища, дабы по изучении наук и самому после не пасть в пропасть. Итак, презревши занятие науками, он оставил дом и родительское наследие, пожелал угождать единому Богу и искал крова святой обители. Впрочем, хотя он не изучил наук, но остался неученым мудрецом.

2. Я не знаю всех обстоятельств его жизни, но то немногое, что буду рассказывать, узнал от четырех учеников его, повествовавших о нем, именно: от Константина, весьма достопочтенного мужа, который преемствовал ему в управлении монастырем; Валентиниана, который много лет был настоятелем Латеранского монастыря; Симплиция, третьего после него настоятеля над его общежитием; и от Гонората, который еще и ныне настоятель того монастыря, а прежде был в числе братии.

¹⁴ Benedictus (лат.) – благословенный.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О чуде, которое совершил св. Венедикт над разбитым ситом

1. Когда Венедикт, оставивши уже занятие науками, решился удалиться в пустыню, то за ним последовала одна только кормилица, которая очень любила его. Он избрал место для жительства, называемое Еффиде, и многие знаменитые мужи, привлекаемые туда ревностью [о спасении], поселились вместе с ним в церкви блаженного апостола Петра. Однажды упомянутая кормилица его выпросила себе у соседних женщин сито [для просеивания пшеницы] и как-то неосторожно положила его на стол, отчего оно упало со стола и разбилось на две части. Возвратившаяся домой кормилица, увидев разбитое сито, которое она взяла в целости, начала горько плакать.

2. Венедикт, набожный и благочестивый отрок, увидевши в слезах свою кормилицу, сжалился над нею. Он сложил половинки разбитого сита и стал со слезами молиться. По окончании молитвы Венедикт увидел сито в такой целости, что в нем нельзя было заметить никаких следов повреждения; тогда, ласковыми словами утешая свою кормилицу, он возвратил ей в целости сито, которое принял разбитое. Это чудо в том месте всеми было узвано и произвело такое удивление, что жители того места повесили сито при входе в церковь, дабы знали все входящие и выходящие из церкви, какую великую благодать получил монастырский отрок Венедикт. Сито много лет оставалось там пред глазами всех и даже до нынешнего нашествия лонгобардов висело у церковных дверей.

3. Но Венедикт, желая лучше переносить зло мира, нежели похвалы, и лучше утомлять себя трудами для Бога, нежели надмеваться от благорасположения других людей, тайно бежал от своей кормилицы и устремился в более уединенное место этой пустыни, называемое Сублак, которое отстоит от Рима почти на сорок миль. В этом месте обилие холодных и прозрачных вод: они сначала собраны в широком озере, из которого потом вытекают рекою.

4. Когда Венедикт бежал, то на пути встретил его один монах по имени Роман, спросил его, куда стремится, и, узнавши его желание, не только сохранил его тайну, но и оказал помощь – дал ему монашескую одежду и после доставлял все, что было нужно. А муж Божий, пришедши на это место, заключился в самую тесную пещеру и в продолжение трех лет жил никому не известный, кроме монаха Романа.

5. Этот Роман жил недалеко от пещеры, в монастыре под управлением Адеодата; по благочестивому побуждению Роман тайно от своего настоятеля доставлял в известные дни Венедикту часть хлеба, получаемого им в пищу для себя. Но как к пещере из монастыря Романова не было прохода, потому что она находилась высоко над скалами, то Роман имел обыкновение привязывать хлеб к длинной веревке, протянутой с этой скалы; на веревке привязан был еще маленький звонок, который звуком своим давал знать человеку Божию, когда Роман приносил ему хлеб. Венедикт по звонку выходил из пещеры и принимал хлеб. Только однажды древний враг [рода человеческого], завидуя любви одного и утешению другого, когда привязан был хлеб к веревке, бросил в нее камень и камнем оборвал ее. Однако ж Роман не переставал служить Венедикту, сколько было можно.

6. Но скоро Всемогущий Бог восхотел и Романа успокоить от трудов, и в жизни Венедикта показать пример людям, чтобы светильник горел на подсвечнике и светил всем, находящимся в доме Божиим (Мф. 5, 15). Одному жившему вдали от того места пресвитеру, который приготавливал себе пищу в праздник Пасхи, Бог явился в видении и сказал: «Ты приготавлиешь себе утешение, а раб Мой в таком-то месте умирает от голода». Пресвитер тотчас встал и в самое Светлое Воскресение Христово с пищею, приготовленною для себя,

устремился на то место: перешел горные скалы, высокие холмы, пропасти земные и наконец, отыскал скрывавшегося в пещере человека Божия.

7. По совершении молитвы они сели, благословляя Всемогущего Бога, и после сладкой беседы пришедший пресвитер сказал: «Встань, вкусим пищи, потому что сегодня Пасха». Святой муж отвечал ему: «Истинно Пасха, потому что удостоился видеть тебя». Находясь вдали от людей, Венедикт и не знал, что в этот день праздновали Пасху; но достопочтенный пресвитер опять подтвердил, говоря: «Поистине сегодня день Светлого Христова Воскресения; воздерживаться тебе не следует, потому что я затем и послан, чтобы вместе с тобою вкусить от даров Всемогущего Бога». Итак, благословляя Господа, они приняли пищу; а когда насытились беседою и пищею, пресвитер возвратился к своей церкви.

8. В то же самое время нашли Венедикта, скрывающегося в пещере, пастухи. Сначала, когда увидели его между кустарниками, одетого кожами, сочли за зверя; но когда узнали в нем служителя Божия, переменили свои зверские мысли на сочувствие к нему. Таким образом имя его сделалось известно всем, жившим в соседних местах; с того времени многие стали посещать его и, доставляя ему телесную пищу, получали из уст его для своих душ хлеб жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О побежденном искушении плоти

1. Однажды, когда св. Венедикт находился в уединении, приступил к нему искушитель: стала летать пред самым лицом его небольшая черная птица, называемая в народе дроздом, и так близко вертелась перед ним, что можно было достать ее рукою, если бы святой муж захотел поймать ее; но он сотворил крестное знамение, и птица улетела. Когда же улетела эта птица, последовало такое искушение плоти, какого никогда не испытывал святой муж. Вдруг он видит женщину, которую злой дух привел пред очи его ума: при виде ее сердце раба Божия воспыало таким огнем, что пламень страсти едва умещался в сего сердце, и, увлекаемый страстью, он почти желал уже оставить пустыню.

2. Но скоро, по благодати Божией, он обратил взор на себя самого и, увидев в себе семя страстей, снял с себя одежду, бросился нагой на сосновые иглы и крапиву, долго лежал в них, и только уже когда изранил все тело, встал. Но через раны тела он залечил в теле чувственные порывы, потому что обессилил сладострастие: произведши таким наказанием воспаление снаружи, он истребил то, что горело внутри, и таким образом победил грех, потому что переменил место пламени.

3. С того времени, как после сам рассказывал ученикам, искушение плоти так было укрощено в нем, что после ничего подобного он в себе не чувствовал. Тогда многие уже начали оставлять мир и спешили поступить под его руководство. Свободный от искушения к пороку, он по праву сделался учителем других в добродетели. Потому и Моисей предписывает (Чис. 8, 24–26), чтобы левиты вступали в служение с двадцати пяти лет и выше и только на пятидесятом году делались хранителями священных сосудов.

4. *Петр.* Смысл приведенного свидетельства уже делается несколько ясным для меня, но прошу тебя изложить его еще яснее.

Григорий. Известно, Петр, что в юности искушение плоти свирепствует, а с пятидесятого года телесный жар охладевает; сосуды же священные суть умы верных. Посему, когда избранные подвержены еще искушениям, необходимо подчинять их другим и заставлять служить, утомлять послушаниями и трудами; когда же в спокойном возрасте ума жар искушения ослабевает, они бывают стражами сосудов – делаются учителями душ.

5. *Петр.* Признаюсь, мне нравится твоя речь, но как ты уже объяснил смысл приведенного свидетельства, то прошу тебя продолжать начатый рассказ о жизни праведника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О стеклянном сосуде, разрушенном посредством крестного знамения

1. Григорий. После победы над искушением муж Божий, подобно возделанной земле, когда вырвут из нее сорные травы, стал приносить обильнейшие плоды в жатве добродетелей. Знаменитое имя его стало славиться по причине необыкновенных монашеских подвигов.

2. Недалеко оттуда был монастырь, настоятель которого скончался; все оставшиеся после него братия пришли к уважаемому Венедикту и усердно просили его быть у них настоятелем. Долго не соглашался он, представляя им, что со своими правилами не может угодить нравам всех братий, но, побежденный мольбами дал согласие.

3. Когда же ввел в этом монастыре строгость правил жизни и никому не позволял уклоняться самовольными действиями с пути монашества ни на правую, ни на левую сторону (что случалось прежде), то безумно ожесточившиеся братия сперва стали укорять друг друга за то, что просили себе такого строгого настоятеля, потому что их свободная жизнь не согласовалась с его святыми правилами. Потом, когда увидели, что он не позволит им вольности, а тяжело было оставить привычки и обветшавший ум занимать новыми предметами, то некоторые из них поспешили сделать покушение на его жизнь и, посоветовавшись друг с другом, однажды примешали к вину яд. Так тяжела жизнь добродетельных для людей с испорченными нравами!

4. По обычаю монастырскому, они принесли для благословения настоятелю стеклянный сосуд, в котором содержалось это смертоносное питье. Св. Венедикт, простерши руку, сделал над сосудом знамение креста, и сосуд, долго до того времени бывший в употреблении, так расселся от этого знамения, как будто бы вместо креста святой муж бросил в него камень. Из того, что сосуд не мог вынести знамения жизни, муж Божий тотчас понял, что сосуд содержал в себе смертоносное питье, немедленно встал и с веселым лицом, со спокойным духом говорил собравшимся братиям: «Да помилует вас, братия, Всемогущий Бог! За что вы хотели сделать со мной это? Не говорил ли я вам прежде, что мои обычаи не сходны с вашими? Идите и ищите себе настоятеля по своим обычаям, потому что после сего вы не можете иметь меня настоятелем».

5. Затем он возвратился на любимое пустынное место и стал жить один, сам с собою в очах Всевидящего Бога.

Петр. Не понимаю ясно, что значит «стал жить сам с собою»?

Григорий. Если бы святой муж захотел долее управлять людьми, единодушно ненавидевшими его и далеко не согласными с его образом жизни, то, может быть, потерял бы бодрость и спокойствие и отвратил бы око свое от созерцания света своего ума; потом, утомленный каждодневно их неисправимостью, менее заботился бы о себе – и себя, вероятно, оставил бы, и их не приобрел. Всегда от сильного напряжения мысли мы выходим из себя и, будучи те же самые, не бываем с собою, потому что, не видя себя самих, мы блуждаем мыслями по другим предметам.

6. Мы не говорим, что был с собою тот человек, который ушел на страну далече, расточил свое имение, потом пристал к одному из жителей той страны, пас у него свиней, видел, как они насыщались рожцами, а он истаивал от голода; о нем уже после, когда он стал размышлять о потерянных благах, написано: *Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом* (Лк. 15, 17). Если б он был с собою, то откуда бы возвратился в себя?

7. Вот в каком смысле я сказал об этом достоуважаемом муже [Венедикте], что он стал жить с собою: находясь постоянно на собственной страже, всегда поставляя себя пред очи Создателя, всегда испытывая себя, он уже не отвращал от себя ока своего ума.

8. Петр. Что же значит написанное об апостоле Петре, когда он был выведен Ангелом из темницы? Он, *быв в себе*, сказал: *теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский* (Деян. 12, 11).

9. Григорий. Двояким образом, Петр, мы бываем вне себя: или чрез падение помысла опускаемся ниже себя, или чрез благодать созерцания поднимаемся выше себя. Тот человек, который пас свиней, опустился ниже себя блужданием ума и нечистотою; а изведенный Ангелом и восхищенный умом, хотя также был вне себя, но выше себя. Оба они возвратились в себя, когда у одного после греховных дел заговорила совесть, а другой с высоты созерцания возвратился в обыкновенное состояние. Итак, достоуважаемый Венедикт стал жить в той пустыне с собою, поскольку охранял себя размышлением, но всякий раз, когда любовь к созерцанию поднимала его на высоту, он, без сомнения, был вне себя.

10. Петр. Это так, но скажи, пожалуйста, разве следовало оставлять братьев, которых Венедикт однажды принял под свое руководство?

Григорий. Мне кажется, Петр, что там должно благоразумно сносить соединенные нападения злых, где есть некоторые добрые, которые помогут. А где совершенно нельзя ожидать доброго плода, там иногда бывает излишним старание о злых, особенно если есть в виду обстоятельства, которые помогут принести лучший плод Богу. Итак, о ком бы стал стараться святой муж, когда узнал, что все единодушно преследуют его?

11. И часто так бывает с душами совершенных (чего не следует проходить молчанием), что, когда видят свои труды бесплодными, они переходят на другое место, на котором надеются трудиться с плодом. Посему и тот именитый муж, который имел *желание разрешиться и быть со Христом, ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Флп. 1, 23, 21), который не только сам искал страданий, но и других возбуждал к перенесению их, – и он даже, чтобы избежать от преследования в Дамаске, воспользовался стеною, веревкою и корзиною (Деян. 9, 23–25) и захотел уйти тайно. Неужели скажем, что апостол Павел боялся смерти, когда он жаждал ее из любви к Иисусу, как сам свидетельствует (2 Кор. 11, 22)? Нет! Но когда он увидел, что в том месте предстоит ему много труда и мало плода, то сохранил себя для труда плодоносного в другом месте. Как сильный ратоборец Божий, он не захотел оставаться в заключении и отправился искать поля сражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.